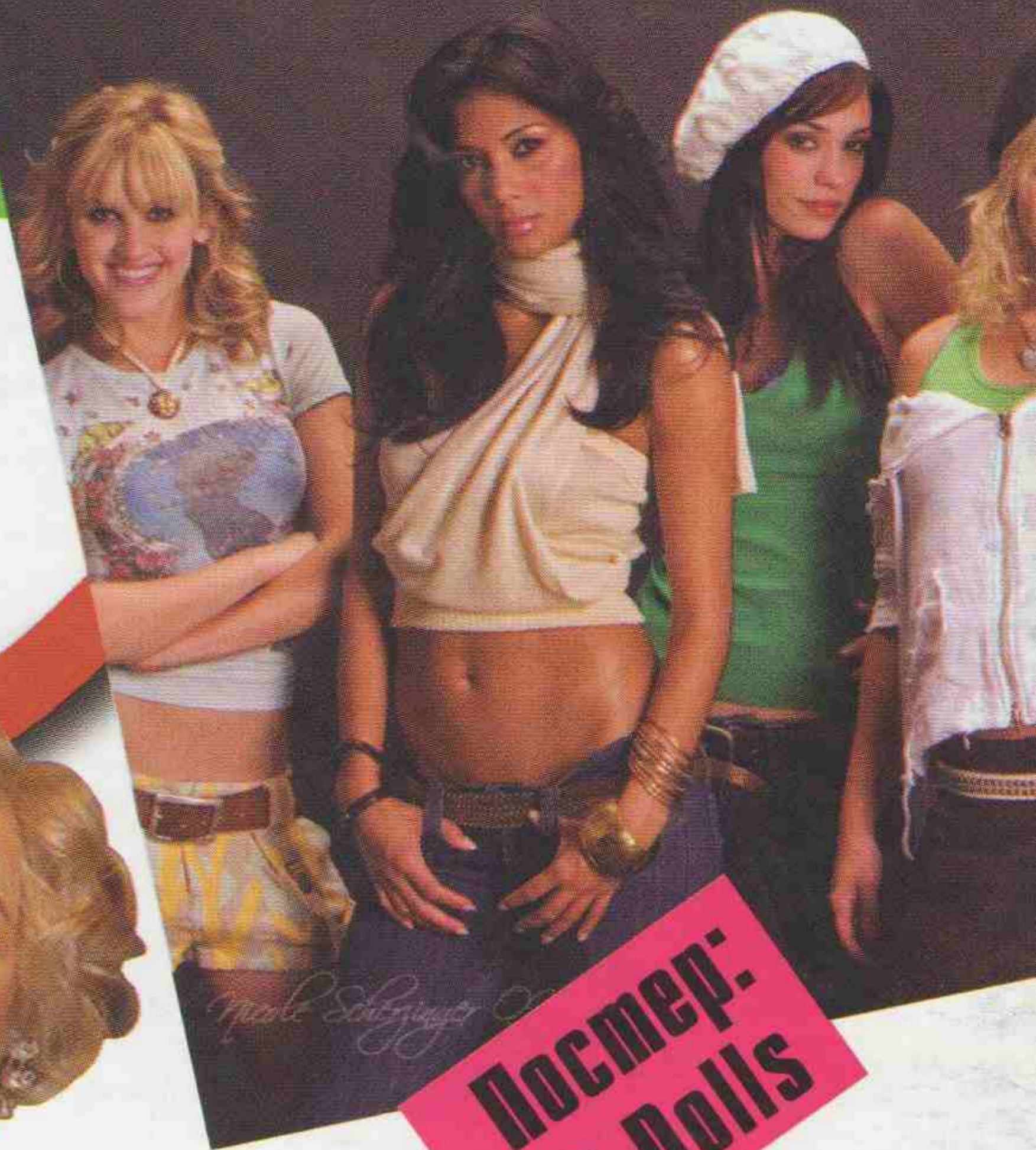

ДАЛЕКО
до конца

Новый
«РУБЛЬ»

Постер:
PS-Dolls

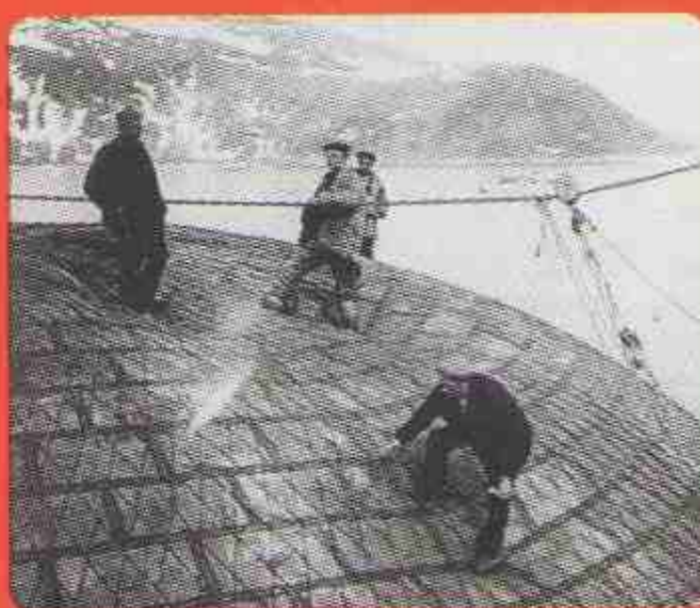
Лягушка

11.08

ГОРОД,
КОТОРЫЙ
Я ВИДЕЛ ВО СНЕ

Ось
ЗЕМНАЯ

ЛЮБОВЬ-
МОРКОВЬ

НА
ПРИВИВКУ!

ПЕТР
ПЕТРОВИЧ

Кушай,
БАТОН!

Не
стойте очень
близко!

РАДУГА
на секунду

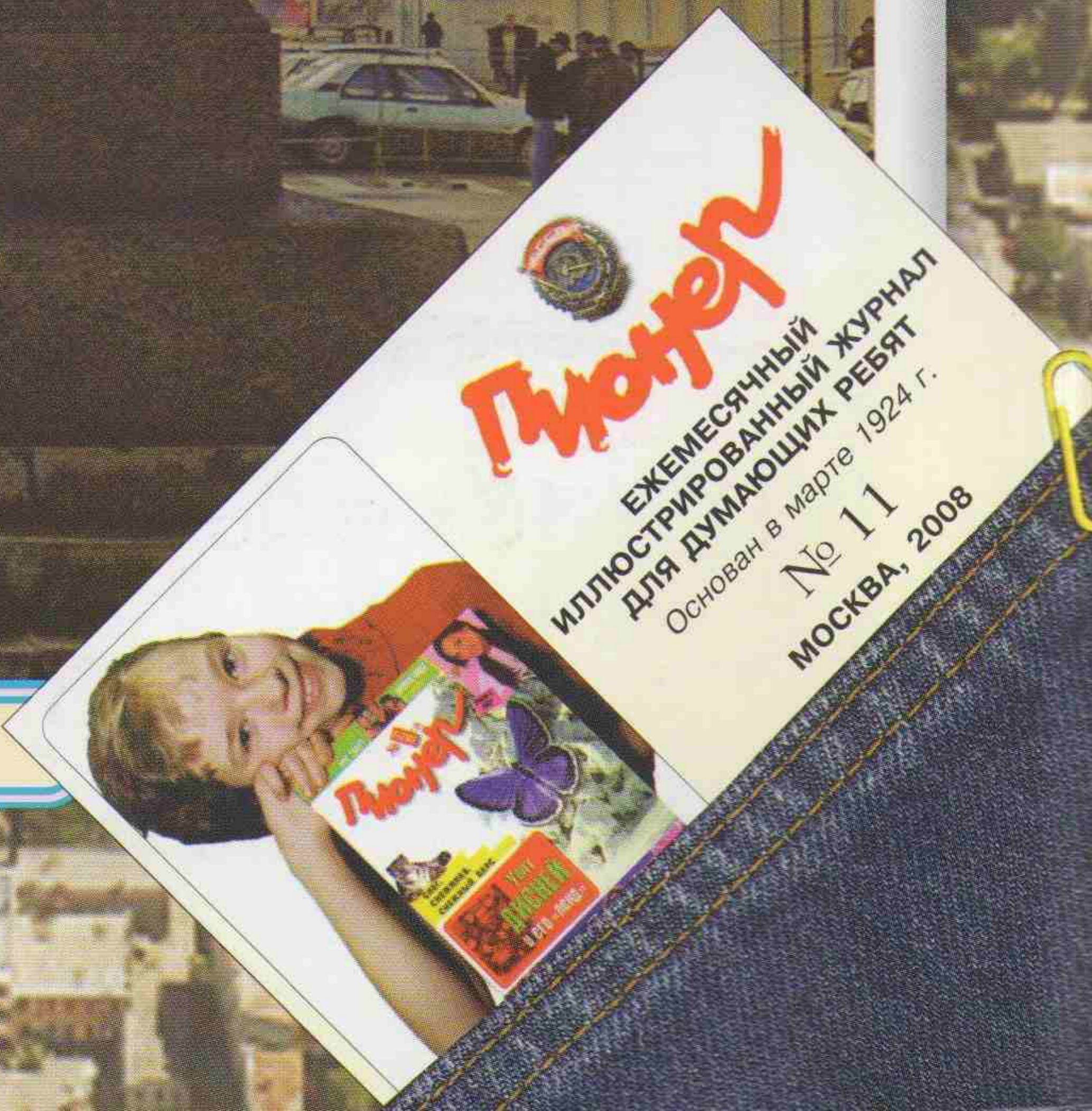

Одесса

ОДЕССА

Николай АЛЕКСЕЕВ

Третья жена

АРКТИКИ

«ГДЕ-ТО НА БЕЛОМ СВЕТЕ...»

Если вы смотрели «Кавказскую пленницу», вам наверняка запомнилась веселая песенка о медведях:

*Где-то на белом свете,
Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось...*

Мы не случайно вспомнили про эту самую ось, высшая точка которой называется Северным полюсом. В этом году сошлось сразу несколько круглых дат, связанных с ледяной шапкой нашей планеты.

Семидесятилетие окончания дрейфа станции «Северный полюс-1». Восьмидесятилетие операции по спасению экспедиции итальянца Умберто Нобиле. И, наконец, столетие похода к Северному полюсу американца Фредерика Кука.

Интерес к северной макушке Земли люди проявляли с незапамятных времен. Первыми, кто приблизился к ледовым окраинам студеного моря, бы-

ли рыбаки и охотники. Они ловили треску, добывали китов и тюленей, охотились на белых медведей и вовсе не помышляли о том, чтобы «ради спортивного интереса» продвинуться вглубь северных широт.

Надобность в специальных северных экспедициях появилась сравнительно недавно. Меньше пятисот лет назад. И вызвана она была теми же соображениями, что позвали в даль неизведанных морей и Колумба, и Магеллана, и многих других известных мореходов, искавших кратчайшие пути к богатствам Востока. Но неужели путь в Индию пролегает через Ледовитый океан?

Листая двухтомник очерков французского писателя и моряка Жоржа Блона «Великий час океанов», я наткнулся на любопытное свидетельство. «В 1530 году, – сообщает Блон, – лондонский торговец Роберт Торн писал королю Англии Генриху III: «Наша коммерция чахнет, а испанцы и португальцы богатеют. Мы тоже должны добраться до Индии, но не тем путем, который с благословения папы (имеется в

виду папа римский – Ред.) захватили Испания и Португалия. Если Арктическое море судоходно, то, взяв курс на север, а затем спускаясь на юг, мы отыщем более короткую дорогу к островам Пряностей».

Ай да купец! И хотя маршрут, предложенный Торном, и сегодня выглядит более чем смелым, в сообразительности отказать ему нельзя. «Первым кораблем, – не преминул заметить Блон, – которому в 1958 году удалось проделать путь, указанный Торном, стала американская подводная лодка «Наутилус». Но «Наутилус» прошел подо льдами, а в XVI веке о подобном и мечтать было нельзя».

Да что там полюс! В те времена плавание даже до Кольского полуострова могло закончиться и, случалось, заканчивалось трагически.

Пытаясь пробиться в северные широты, европейские мореплаватели раз за разом наталкивались на непреодолимые льды. И постепенно стали задумываться: а нельзя ли обойти их, двигаясь вдоль побережья?

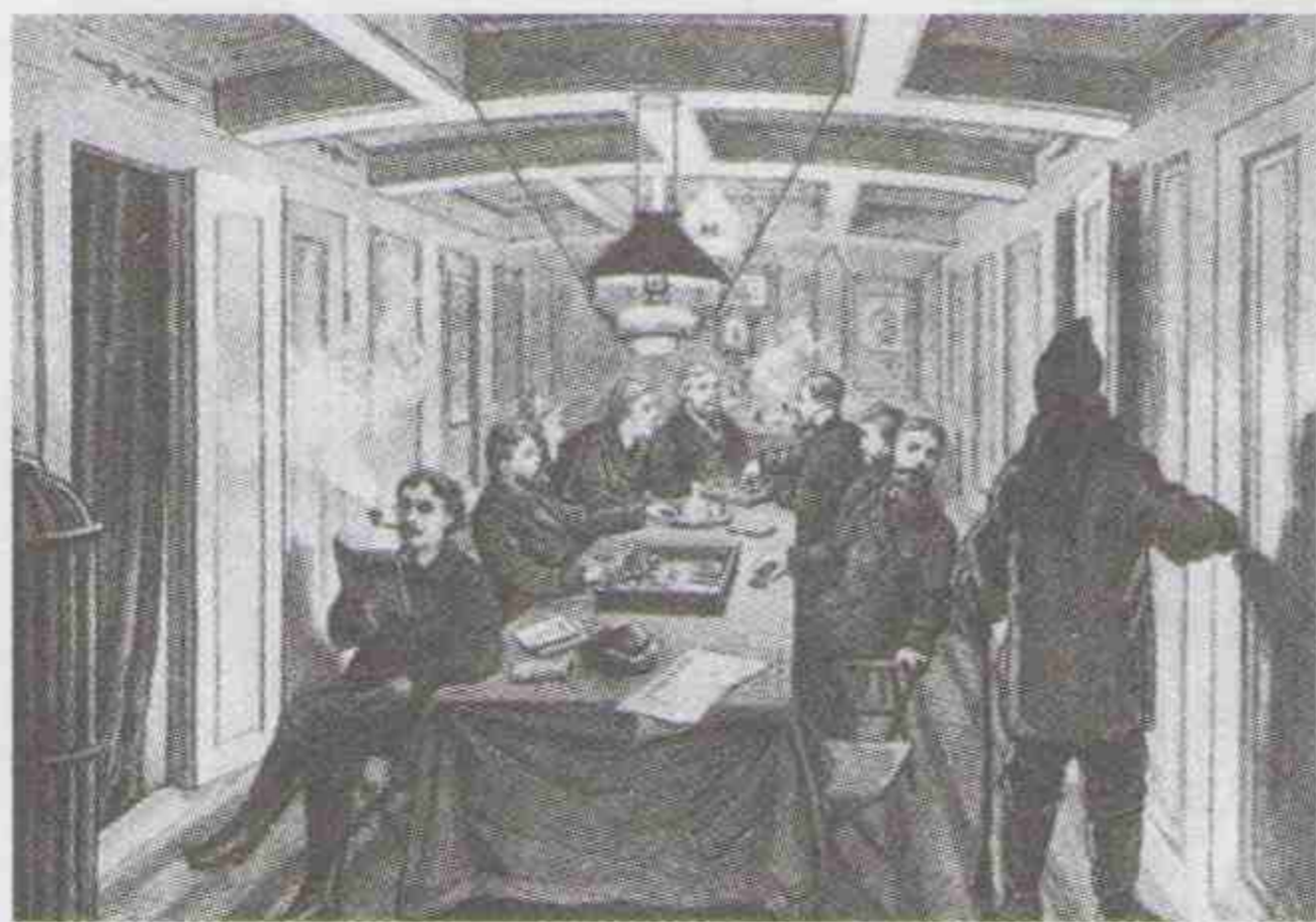
СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

Северо-восточный проход из Атлантического океана в Тихий искало не одно поколение английских, норвежских, голландских, датских мореходов. Многим это стоило жизни. Самым известным из них был, пожалуй, голландец Баренц, который в конце XVI века трижды возглавлял экспедиции, пытавшиеся пробиться на восток. Теперь море, омывающее Шпицберген, Новую Землю и Кольский полуостров, носит имя Баренца.

Северным путем в Юго-Восточную Азию первым прошел шведский полярный исследователь Норденшельд. Случилось это уже в конце XIX века.

Сначала Норденшельд отправился на небольшом судне – на разведку. Он добрался до устья Енисея. На одном из островков обнаружил уютную гавань, назвал ее Диксоном, в честь богатого барона, давшего ему денег на эту экспедицию, и повернул обратно.

Снарядив большой корабль «Вега» на средства того же Диксона, к которому присоединился русский золотопромышленник Александр Сибиряков, Норденшельд в начале лета 1878 года покинул шведский порт Гётеборг и двинулся в путь. Плавание проходило довольно успешно, чему способствовали и тщательная подготовка экспедиции, и удачно подобранная команда из ученых и моряков разных национальностей. Но когда до Берингова пролива оставалось каких-то триста километров,

В кают-компании «Веги»

путь судну преградили льды, и «Вега» 28 сентября вынуждена была стать на зимовку. Ученых это не обескуражило. Пароход был добротным, и ничто не мешало спокойно вести научные наблюдения.

Зимовка растянулась на 289 дней. И только 18 июля 1879 года «Вега» смогла продолжить плавание. Миновав пролив, Норденшельд завернул на Аляску, потом зашел на остров Беринга, побывал в японской Иокогаме и уж после этого, обогнув Азию, направился в Швецию. К тому времени Суэцкий канал был уже прорыт, и не было нужды огибать Африку.

Экспедиция Норденшельда прошла без единой жертвы, что само по себе было очень важно. Ведь за три с лишним столетия Арктика поглотила немало смельчаков, пытавшихся проникнуть в ее тайны. Главное – была доказана возможность пройти северо-восточным морским путем из Европы в Китай и Индию. Равно как и возможность сибирским купцам доставлять тем же путем свои товары на европейские рынки.

С таким же упорством северные мореходы пытались пробиться к Берингову проливу, двигаясь на запад в обход Северной Америки. Первые попытки предпринимались еще во второй половине XVI столетия. Но удалось сделать это лишь в 1905 году великому норвежскому полярнику Руалу Амундсену.

МЕЧТА О СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

В конце XIX века и сам полюс, и бескрайние пространства вокруг него все еще оставались огромным белым пятном, в прямом и переносном смысле. Достичь высшей северной точки Земли мечтали многие полярные ис-

следователи того времени. Ну, а пока они тщетно искали подходы к ней, писатели-фантасты тоже не дремали.

В 1892 году в Париже вышел роман Луи Буссенара «Французы на Северном полюсе». В нем повествовалось о том, как французская экспедиция на пароходе «Галлия» отправилась покорять Северный полюс.

Приключений на долю мореходов выпало предостаточно. Тут и соперничество с немецким кораблем «Германия», которое, естественно, удалось выиграть, и полярные бури, и зимовка во льдах, и встречи с белыми медведями, и даже гибель «Галлии». У моряков на этот случай были припасены лодки, и на одной из них они, в конце концов, достигли желанной цели:

– Мои отважные друзья! – произнес капитан дрогнувшим от волнения голосом. – Если я не ошибся в расчетах, мы у заветной цели. Все препятствия позади. Там, где мы сейчас находимся, нет ни широты, ни долготы. Это мертвая точка, ось, вокруг нее вращается Земля. Мы на Северном полюсе!.. Да здравствует Франция!»

Чтобы спасти своих соотечественников от голодной смерти, Луи Буссенар подбросил им гигантский «холодильник» во льдах с десятками тысяч туш стеллеровых коров, которые были уничтожены людьми задолго до описываемого путешествия французов. Да и водились они совсем в другом месте.

На этом чудеса не закончились. «Льдина, на которой находились полярники, оказалась оторванной от остальной массы льда и поплыла быстрее, прямо к русскому берегу со скоростью пятнадцать километров в сутки. Льдина плыла, не останавливаясь, весь июнь, июль, август и сентябрь. И вот наконец французы увидели землю. Это был мыс Челюскин...»

Таких льдин в Арктике не бывает. И все же при всей фантастичности описанного путешествия, Луи Буссенар предугадал возможность использования судов для покорения северного полюса. Правда, случится это много лет спустя, когда появятся мощные ледоколы.

«Эй, на «Фраме»! Счастливо зимовать!»

«ЖАННЕТТА» УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ

Первым идею достижения полюса, используя дрейф полярных льдов, высказал норвежский исследователь Фрицьоф Нансен. И вот что натолкнуло его на эту мысль.

В 1884 году он обратил внимание на статью в газете «Моргенбладет». У юго-западного побережья Гренландии обнаружены вещи, принадлежавшие участникам экспедиции «Жаннетты» – трехмачтовой яхты, отправившейся из Сан-Франциско на поиски «пропавшего» Норденшельда.

Помните, шведский полярник вынужден был зазимовать на «Веге» у берегов Восточной Сибири, и о нем давно не было ни слуху ни духу? Что не удивительно, ведь радио к тому времени еще не было изобретено.

В начале сентября 1879 года льды сковали «Жаннетту» в Чукотском море. Она находилась в ледовом плену вплоть до своей гибели в июле 1881 года.

Через несколько лет обломки «Жаннетты» оказались у берегов Гренландии. Нансен соединил на карте пункт гибели яхты с местом, где нашли предметы с нее, прямой линией. И увидел: маршрут проходит совсем близко от полюса. «Вот где разгадка, – осенило Нансена. – Не бороться со льдами надо, а использовать их дрейф для достижения своей цели!»

Но пока Нансен слишком молод. Кто к нему прислушается?

За следующие пять лет Нансен многого добился. Он сделал то, что не удалось ни Норденшельду, ни молодому американцу Роберту Пири – первым пересек Гренландию. К 1890 году Нансен уже доктор зоологии, автор многих научных работ. И все-таки поначалу его идея достижения полюса с помощью полярных льдов и в ученом мире, и у властей не вызвала энтузиазма. Но Нансен не сдался. Через несколько лет ему удалось добиться своего. Две трети средств на организацию экспедиции выделило норвежское правительство. Остальную часть собрали по подписке.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Был построен специальный корабль, который Нансен назвал «Фрамом», что по-норвежски значит – «Вперед!» Это было короткое, но широкое судно – девятнадцать метров в длину и одиннадцать – в ширину. По форме оно напоминало половинку куриного яйца. А борта были вдвое толще обычного. В случае необходимости гребной винт легко можно было поднять с помощью лебедки. И еще одно необычное новшество для судов той поры – это динамо-машина. Она могла вырабатывать электрический ток, используя

Фрицьоф Нансен

энергию ветра либо паровой машины. Запасы продовольствия были рассчитаны на пять лет.

24 июня 1893 года тринадцать норвежцев отправились на «Фраме» на восток. Через три месяца, 25 сентября, в районе Новосибирских островов «Фрам» попал в объятия льдов. Дрейф начался.

Через полтора года «Фрам» достиг 84-го градуса северной широты. И тут Нансен заметил, что судно медленно относит к западу. Северный полюс остается в стороне. До него шестьсот с лишним километров. Нансен решает сойти с корабля и вместе с лейтенантом Йохансеном идти к Северному полюсу по льду.

Захватив двадцать восемь собак и продовольствие на сто дней, Нансен и Йохансен покинули «Фрам». Поначалу все шло отлично. Но потом ледовая равнина сменилась нагромождением торосов, а трескучие морозы превратили одежду в тяжелые рыцарские доспехи.

За двадцать пять дней путешественники прошли треть пути. Но дальше идти было рискованно. Нансен подсчитал, что провизии на обратную дорогу не хватит. Пришлось повернуть обратно и двигаться к Земле Франца-Иосифа. Шли к ней целых четыре месяца. И когда в начале августа 1895 года они ступили на один из островов архипелага, у них уже не было ни продовольствия, ни собак. Их ждала долгая холодная зимовка.

Весной они отправились дальше. На этот раз им повезло. 17 июля 1896 года отважная пара вышла к лагерю английского полярника Джексона, экспедиция которого основательно обустроилась на Земле Франца-Иосифа. Англичане, зимовавшие в комфортабельном доме, гостеприимно встретили спутников.

Наконец, английское судно, доставившее припасы экспедиции Джексона, приняло на борт норвежских путешественников. 13 августа они ступили на родную землю. Неделю спустя пришло известие, что и «Фрам», вырвавшись из ледового плена, направляется в норвежский порт Тромсё. 21 августа Нансен вновь взошел на борт своего «Фрама».

Норвегия встретила Нансена и его товарищей как героев. Слава была заслуженная. Хотя они и не достигли полюса, экспедиция на «Фраме» внесла огромный вклад в изучение полярных областей Земли.

«Фрам» в ледовом плену

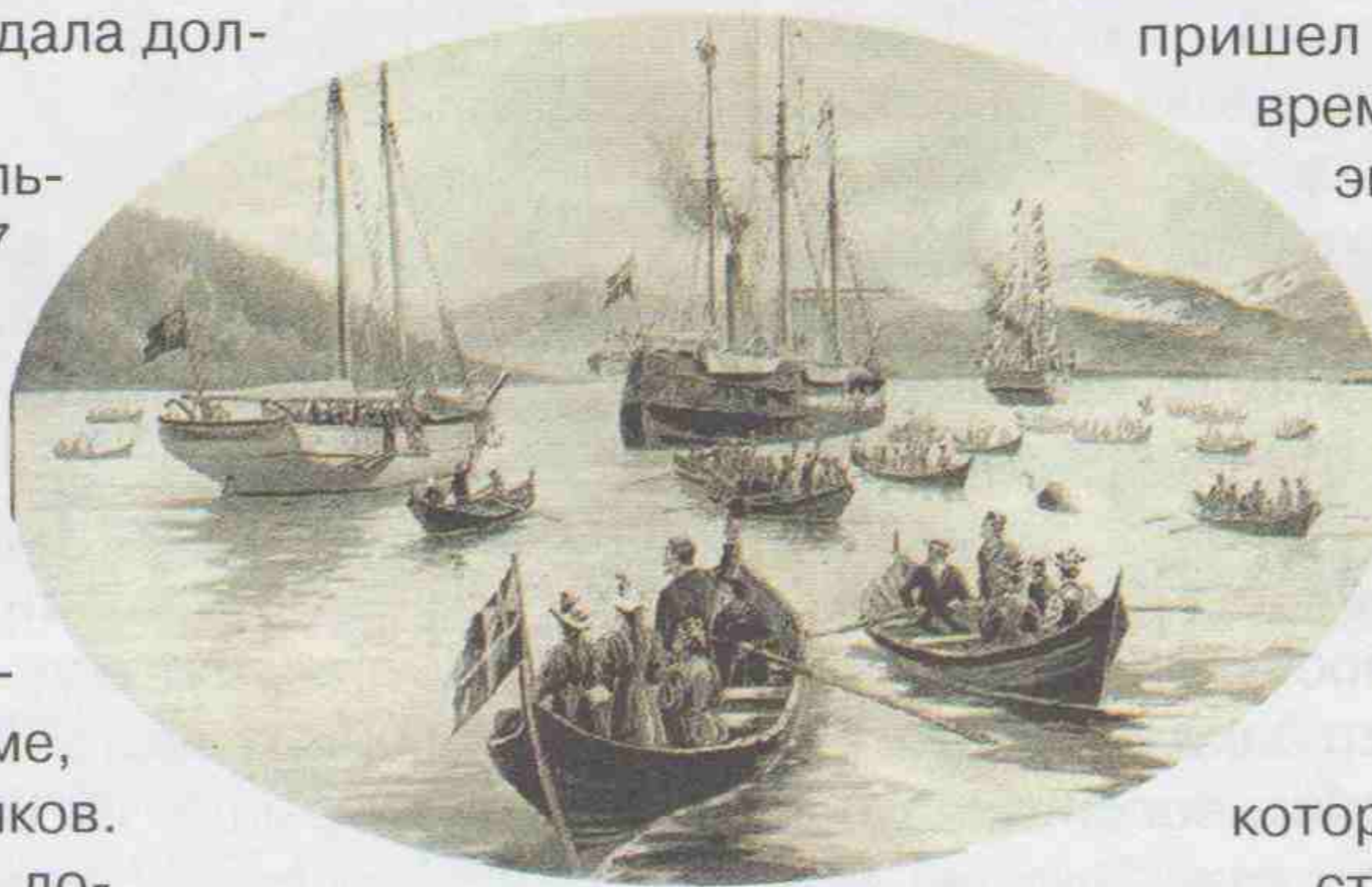
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

В то время как «Фрам» благополучно достиг Шпицбергена, здесь, на одном из островов, уже был готов к полету воздушный шар «Орел». Руководитель экспедиции швед Соломон Андре ждал лишь попутного ветра. Возвращение «Фрама» оказалось кстати. Андре долго расспрашивал норвежцев о дрейфе и особенно – о направлениях полярных ветров. И в конце концов пришел к выводу, что благоприятное время упущено. Пришлось перенести экспедицию на будущий год.

Соломон Андре не был первым, кому пришла в голову мысль попасть на полюс таким необычным способом. Подобные идеи высказывались и до него, но именно Андре рискнул осуществить их на практике.

Готовясь к экспедиции, он некоторое время поработал на метеостанциях северной Норвегии, где изучал направления ветров, дующих за Полярным кругом. За два года он совершил девять полетов

на собственном аэростате «Свеа» над Швецией и Балтийским морем. Однажды ему удалось даже подняться на 4387 метров. В то время это был рекорд высоты. Но после этого встал вопрос – а как управлять аэростатом? И Андре придумал для него систему *гайдропов* и парусов. *Гайдропы* – это тяжелые тормозные тросы, вес которых не позволяет шару подняться слишком высоко, обеспечивая более или менее постоянную высоту полета. Касаясь

С возвращением, «Фрам»!

земли, льда или воды, они замедляют движение шара. И у экипажа появляется возможность с помощью парусов корректировать направление полета.

На строительство воздушного шара и снаряжение экспедиции потребовались огромные средства. Половину нужной суммы дал изобретатель динамита Альфред Нобель. Остальное добавили шведский король Оскар и барон Диксон – тот самый, что помог Норденшельду.

В конце мая 1897 года «Орел» вновь был доставлен на Шпицберген и подготовлен к полету. Наконец, 11 июля задул нужный ветер, и в 13 часов 46 минут под возгласы «Да здравствует Швеция!» канаты, удерживавшие шар, были перерезаны. Гайдропы чиркнули по гальке, и аэростат стал удаляться.

Вместе с Соломоном Андре в полет отправились инженер Кнут Френкель и молодой ученый Нильс Стриндберг. Воздухоплаватели захватили с собой тридцать шесть голубей, с помощью которых намеревались сообщать о ходе полета.

По расчетам Андре, 1200 километров, разделяющих Шпицберген и Северный полюс, шар должен был преодолеть за два дня. Еще четыре дня отводились на то, чтобы покрыть 2300 километров от полюса до Аляски.

Когда телеграф сообщил, что «Орел» наконец-таки отправился к вершине планеты, мир с нетерпением стал ждать сообще-

ний от воздухоплавателей. И когда удалось поймать голубя, к лапке которого был прикреплен листок с кратким текстом «Северный полюс миновали 15», все решили, что это – дата покорения полюса: 15 июля 1897 года. Газеты тут же разнесли радостную весть по свету.

Но и после этого в разных концах Норвегии продолжали ловить голубей с «весточками» от Андре. А потом началась неразбериха. То

шар будто бы видели у берегов Гренландии. Или, наоборот, на юге Скандинавии. И даже на Урале! Наконец, из одного маленького норвежского городка, пришло сообщение, что еще 15 июля капитан рыбацкого судна подстрелил вблизи Шпицбергена севшего на рею голубя. При нем

оказалось короткое послание на фирменном бланке Андре. Это была «третья голубиная почта», отправленная 13 июля. И хотя Андре утверждал, что «на борту все в порядке», приведенные в письме координаты настораживали. За два дня «Орел» пролетел не более трехсот километров. Стало быть, 15 июля воздухоплаватели никак не могли миновать Северный полюс. «Победное» сообщение оказалось чьей-то дурацкой шуткой. Экспедиция бесследно исчезла.

Что же произошло с Андре и его товарищами? Где приземлился «Орел»? В следующем году были организованы три экспедиции – две шведских и одна американская, – которые пытались обнаружить пропавших воздухоплавателей. Их ис-

кали и на северо-восточном побережье Гренландии, и на Земле Франца-Иосифа, и даже в устье сибирской реки Лены. Безрезультатно. Казалось, о судьбе отважных аэронавтов мир не узнает никогда.

Тайна приоткрылась три десятилетия спустя. В августе 1930 года норвежская шхуна «Братваг» перевозила геологов на Землю Франца-Иосифа. По пути подошли к острову Белый (из архипелага Шпицберген), чтобы пострелять моржей. После удачной охоты матросы присели отдохнуть, а двое из них отправились на поиски чистой воды. Вдруг они заметили алюминиевую крышку от кастрюли, а чуть поодаль торчащий из-под снега кусок грубой парусины. Это оказалась лодка, а в ней различные вещи с надписью «Полярная экспедиция Андре». Неподалеку обнаружались останки воздухоплавателей. Во внутреннем кармане куртки Андре нашли его дневник. Записи неплохо сохранились, и по ним удалось восстановить хронику трагедии, случившейся с экспедицией.

Тормозные тросы-гайдропы, на которые возлагалось столько надежд, оборвались уже в самом начале, застряв среди валунов побережья. И все же первые сутки полета еще не предвещали беды. На второй день положение резко ухудшилось. Усилился мороз, и оказалось, что огромное количество газа, заключенное в

Соломон Андре

Ca. Costa Normand
STOCKHOLM
Reg. No. 280.

Воздухоплаватели

«Мама, врежь ему, врежь!»

шаре, весьма чувствительно к изменениям температуры. К тому же оболочка аэростата стала покрываться ледяной коркой, что явилось полной неожиданностью для воздухоплавателей. Ведь явление обледенения при полетах в ту пору было совершенно неизвестно.

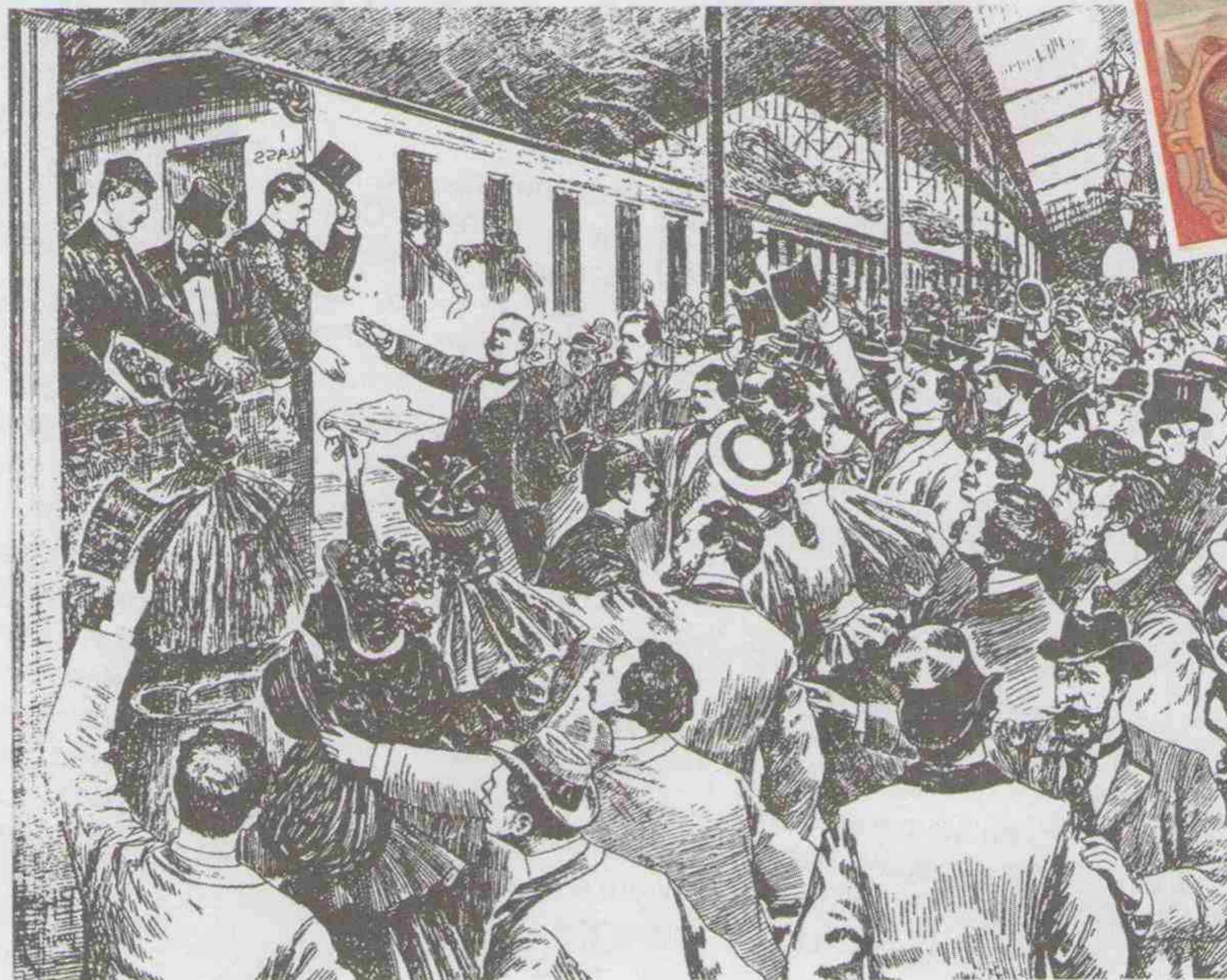
Отяжелевший шар опускается все ниже, ударяется об лед, снова взлетает. «Орел» уже не летит, а передвигается «прыжками». Аэронавты сбрасывают мешки с балластом, но это не помогает. От ударов и толчков у людей начинается морская болезнь. Не выдержав мучений, воздухоплаватели прекращают полет. Это случилось утром 14 июля 1897 года. До Шпицбергена – 350 километров. До Земли Франца-Иосифа столько же.

Готовясь к экспедиции, Андре думал о возможности вынужденного прекращения полета. И на этот случай были заблаговременно устроены склады продовольствия на обоих архипелагах. Кроме того, в гондолу шара были погружены лыжи, лодки и сани.

После недельного отдыха путешественники двинулись на восток, к Земле Франца-Иосифа. На каждого пришлось более ста килограммов груза. То и дело приходилось преодолевать торосы, обходить озера и разводья. Проваливались в воду, порой брели по колено в снегу. Были дни, когда удавалось пройти всего один-два километра. Вскоре выяснилось, что льды дрейфуют на запад, и путешественников относит все дальше от намеченного маршрута. Андре принимает решение: надо идти к Шпицбергену.

Через пятьдесят два дня изнурительного похода они останавливаются и начинают готовиться к зимовке. В один из ясных дней, когда солнце пробилось сквозь туман, они обнаружили, что совсем рядом – остров Белый. Но его обрывистые берега кажутся им неприступными. Лучше остаться на льдине. Достроили дом из кусков льда и перенесли в него вещи и припасы. А ночью «новоселов» разбудил страшный треск.

Проводы героев

Льдина раскололась. Прямо под хижинкой. Пришлось срочно перебираться на твердый берег.

Последняя из сохранившихся записей Андре сделана 7 октября. Сколько прожили аэронавты после этого, когда и от чего

они умерли, мы уже не узнаем никогда. Известно только, что не от голода. В лодке, обнаруженной на острове Белый, сохранились значительные запасы продовольствия. И даже исправный примус с керосином.

А БУДУТ ЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ?

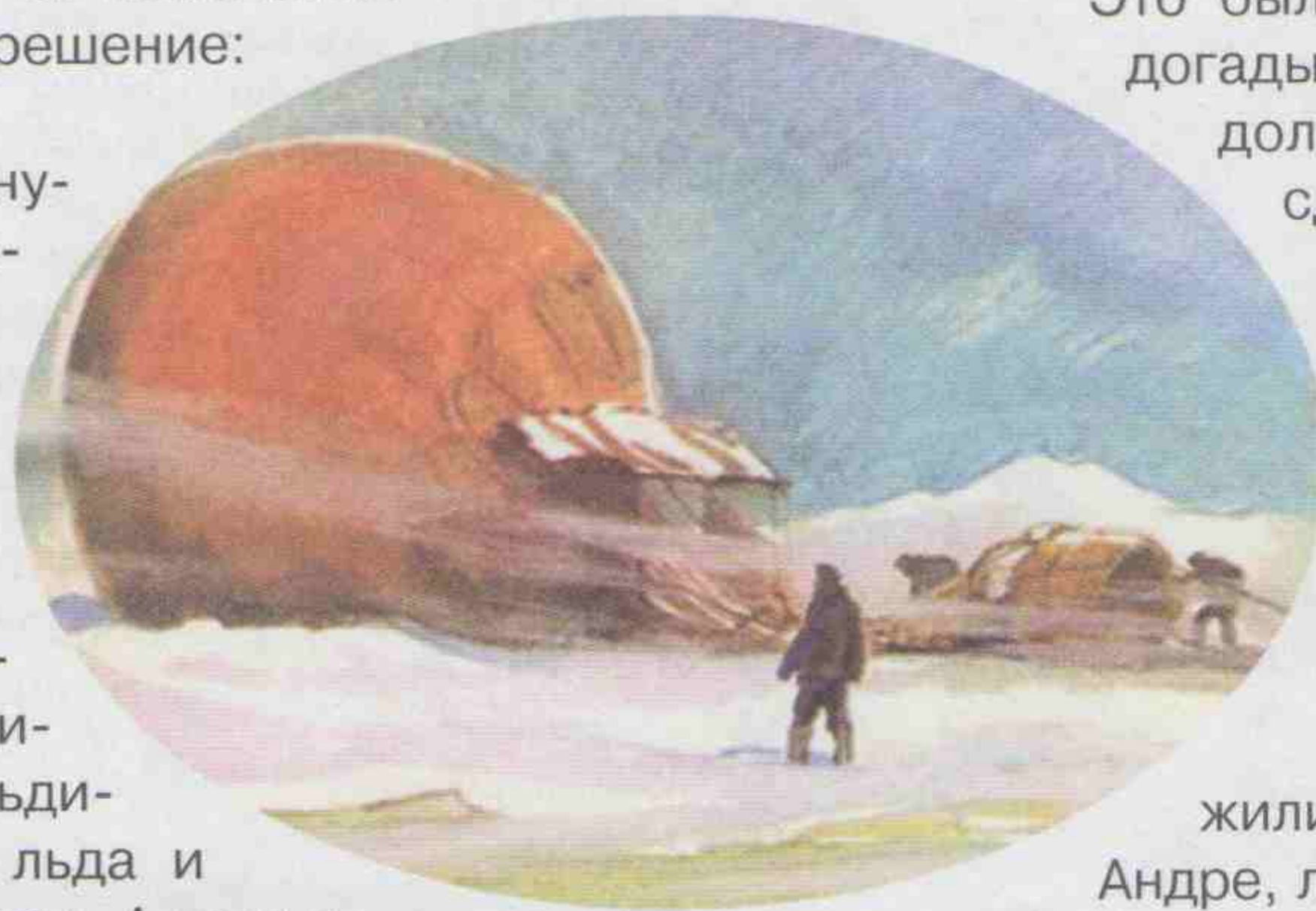
На второй день полета Андре записал в дневнике: «Странное чувство вот так парить над Полярным морем. Первым пролетать здесь на воздушном шаре. Скоро ли появятся у нас последователи? Сочтут ли нас сумасшедшими или последуют нашему примеру? Не стану отрицать, что все трое мы испытываем горделивое чувство. Мы считаем, что спокойно можем принять смерть, сделав то, что мы сделали».

Это было написано, когда Андре начал догадываться, что шар до полюса не долетит. И все-таки первый шаг сделан. Пусть даже неудачный.

А последователи найдутся. Как ни сурова была Арктика, она не переставала манить людей отчаянных и отважных, тщеславных и просто любопытных, готовых ради научного подвига на любые лишения.

К тому времени, когда обнаружили следы пропавшей экспедиции Андре, люди достигли Северного полюса. И не только по льду, но и по воздуху.

Об этом читайте в следующем номере.

Конец

КАКИЕ У НИХ МОЗГИ?

ПО «ПРИКОЛУ»

Это не моя фотография. Я ее случайно в интернете нашла. Девочка «курит» шоколадную «сигарету». Я по приколу тоже такую в школу два раза носила. Так про меня пацаны такое выдумали, что и писать стыдно. Почему у них дебилные мозги? Зла не хватает!

Анна, г. Тотьма

СТО РАЗ ПОЖАЛЕЕШЬ!

ЛУЧШАЯ «ПОДРУГА»

В нашем классе одну девочку все боятся. Она не дерется и у нее нет «крутой» компании. Но все равно с ней никто связываться не хочет. Она может про человека такое напести, что ему потом хоть из школы уходи. А потом еще подходит к нему и притворяется, что она – самая лучшая его подруга. Не дай бог с ней чем-нибудь поделиться. Сто раз потом пожалеешь!

Оля ПАК, г. Москва

КОЛОНКА КАТИ ФЕДОРЕНКОВОЙ

ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ

Я еще ни разу не писала о любви. Сейчас исправим. История моя будет немного походить на детектив, у которого до сих пор нет конца.

Это случилось прошлым летом на даче, когда меня оставили одну. Удивительное дело – я всегда успеваю что-нибудь связаться, пока никого нет дома!

Одним прекрасным вечером я сидела на улице перед домом. Рисовала и никого не трогала. Вдруг калитке подходят три девочки и приглашают меня погулять. Я сначала впала в небольшой ступор, но через минуту отошла и приняла приглашение.

На дороге стояло еще четверо парней, из которых я знала только одного – Виталика (знакомство с ним требует отдельного рассмотрения. Познакомились мы с ним ночью при луне на большой дороге). Мы гуляли долго, и потихоньку все стали расходиться по домам. Осталось нас трое: Виталик, его девушка и я. Долго думали, кого провожать первым и решили, что раз Кате, подруге Виталика, по пути, то пусть она первая идет домой, а в это время ее молодой человек проводит меня, так как мне идти дальше. Дошли мы с ним

до дома, посидели, поболтали. И вот слово за слово выяснилось, что и не любит он свою Катю вовсе, а по душе ему я – девочка городская, скромная и мирная. Рассказал, что Катю он даже побаивается!

А мне что делать? Единственная мысль, которая мелькнула у меня в голове, – ничего не говорить Кате, а то будет хуже. На том мы и разошлись.

И вдруг через две недели, когда меня уже не было в деревне, мне начинает названивать та самая Катя и угрожает расправой! Якобы Виталик ей все рассказал (может, еще и приукрасил), и я получаюсь разлучницей! Уж не знаю, какими методами пыталась бедного Виталика, но парниша явно не выдержал осады и сдался. Наверняка выставил меня не только разлучницей, но и коварной соблазнительницей!

И все – из-за парня, который оказался вруном и трусом! Короче, я с Катей еще не встретилась, но, как говорится, от судьбы не уйдешь. И предстоит нам с ней серьезный разговор. И главное – из-за кого?!

Ваша Катя

Пока мы печатали детектив Саши Ицкова, наши поэты сильно приуныли. Тут, понимаешь, рифмы так и выются, а «Кораблик» историю про деформатор сказок никак не закончит. Закончили. Пожалуйста, дорогие поэты! Можно даже – вместе с котами, котятами и кошками.

СОКРОВИЩЕ

Моя британская шиншилла
Прекрасней всех сокровищ мира.
Она пушиста и игрива,
Присущ ей королевский взгляд –
И скоро принесет она котят!

*Никита ГАПОНОВ,
г. Москва*

КОТЕНОК

По городу серый котенок бежал.
Худой был котенок и очень уж мал.
Потертая шерстка, прижатые ушки,
Глаза – как огромные черные мушки.
Прижался к стене он, что было сил,
Как будто прохожих о чем-то молил.
Котенка гоняли тихонько, слегка
И даже пинали носком сапога.
Собаки котенка совсем не любили
И часто с ним драки они заводили.
Котенок совсем не умел защищаться
И приходилось бедняжке сдаваться.
Потрепанный псами, сильно побитый,
Очень голодный и всеми забытый,
Сидел на крыльце он и жалко дрожал
И под себя даже лапки поджал.
Здесь и нашла его девочка Ира.
И принесла потихоньку в квартиру.
Его приласкала она и накормила –
Уж очень котенка она полюбила.
А по окошку все дождик стучал...
Листик осенний ветер сорвал.
Сколько еще по городу бродит
Маленьких серых пушистых котят!
Где же вы, добрые нежные люди?
Звери ведь тоже ласки хотят!

*Карина ИБРАГИМОВА,
г. Пермь*

ЛЮБИМАЯ

Мы одни с тобой сидим в палатке.
Дождь. Меня касаешься украдкой.
А на пляже сырь, и мы с тобою
Спрятались, обнявшись под фатою.

Ты ко мне присела на колени
И к груди прильнула – лист осенний.
Так нежна со мной! Глаза скосила
И головку на плечо склонила.

Женственна, стройна, мила, прекрасна,
Модная, да и глядишься классно.
Ах! Люби меня сильнее, крошка, –
Серенькая преданная кошка.

*Валерий КОМАРОВ,
г. Москва*

В ЗАЩИТУ КОТОВ

1

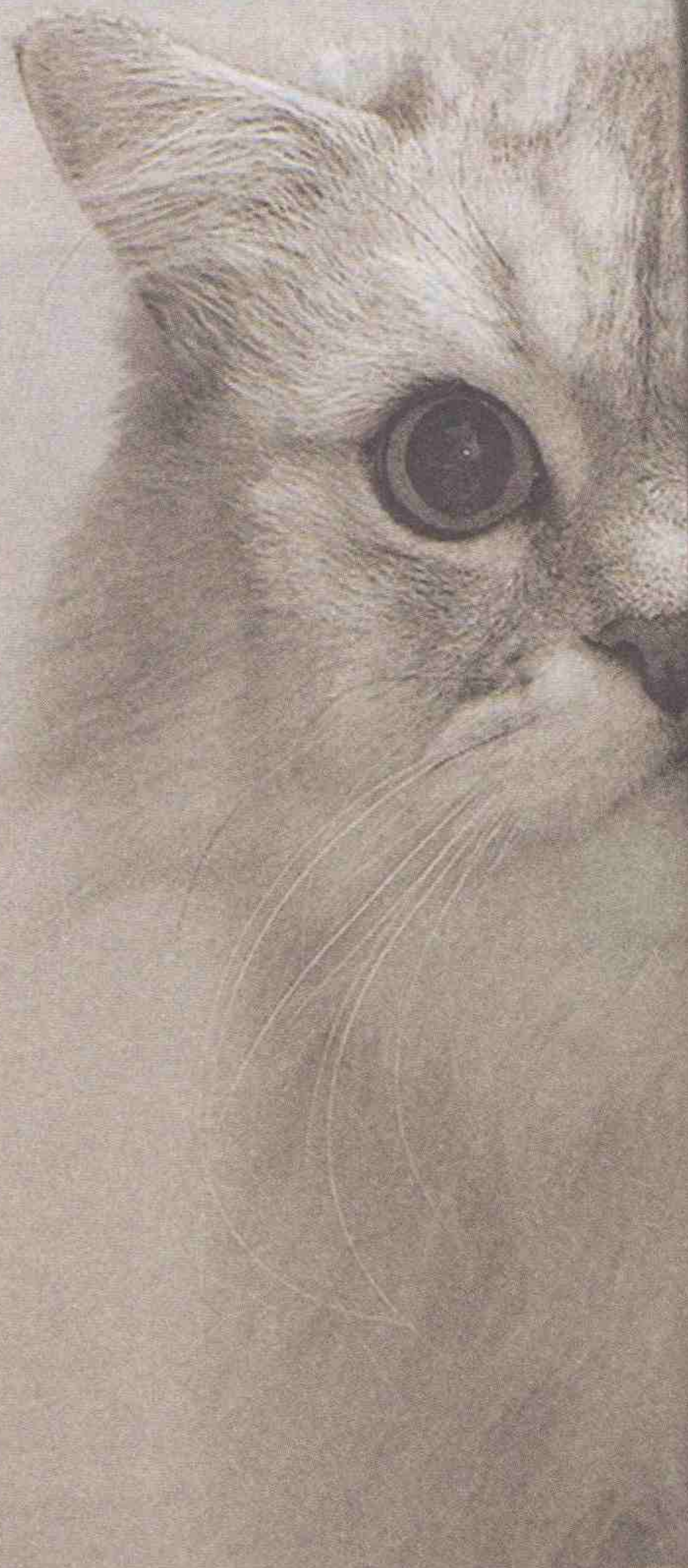
Кто сказал, что кот –
Обормот?
Он ведь лапочка.
А колбаску украл –
Сразу тапочком?!

* * *

2

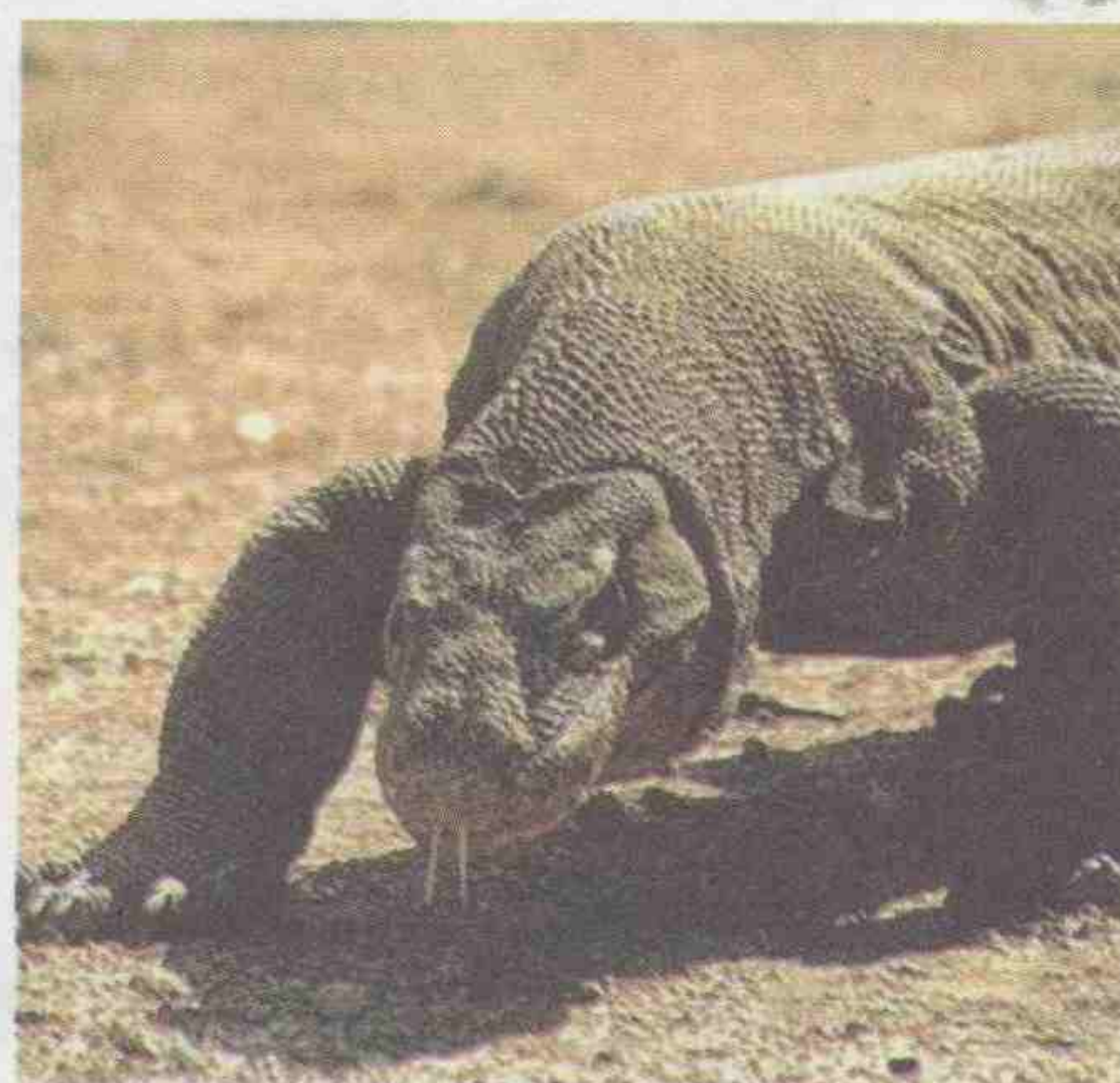
Кто сказал, что кот
По ночам орёт?
Это ж серенада.
Ах, какой вокал, –
Радоваться надо!

*Ольга ДУХОВА,
г. Лугины*

Оказывается, первым европейцем, поведавшим миру об «ужасных монстрах», стал голландский летчик, совершивший в 1912 году вынужденную посадку на Комодо. Его рассказы долго считались выдумкой, пока в 1920 году на остров не снарядили экспедицию. Ученые были поражены. «Как будто нас отправили на миллионы лет назад, – писал один из них. – Мы для них только еда. Такая же, как куры и овцы. Они жрут все!»

Оказывается, гигантские вараны, обитающие только на острове Комодо в Зондском архипелаге и еще на нескольких прилегающих островках, по праву считаются «живыми ископаемыми». Они должны были вымереть еще несколько миллионов лет назад, но – не вымерли. Почему? Наука не знает. Местные жители называют гигантов (некоторые особи достигают в длину трех метров) «земляными крокодилами».

Оказывается, «они» и правда всеядны. Это «фабрика для поедания» любой добычи. В доисторические времена, пока человек не завез на остров всякую живность, драконы охотились на карликовых слонов – и съели их всех!

Оказывается, драконихи – плохие мамы. Они делают кладку и сразу о ней забывают. Еще и сожрать могут потомка, когда тот вылупится из яйца. А не попадайся!

«Драконах» острова

КОМОДО

Исторископ

Могла ли зародиться разумная жизнь в «до-человеческий» период планеты? Американец Э.Вайс, основываясь на «замашках» комодских драконов, построил модель цивилизации разумных ящеров. И пришел к выводу, что она уничтожила бы сама себя. Кровожадность – вещь жестокая!

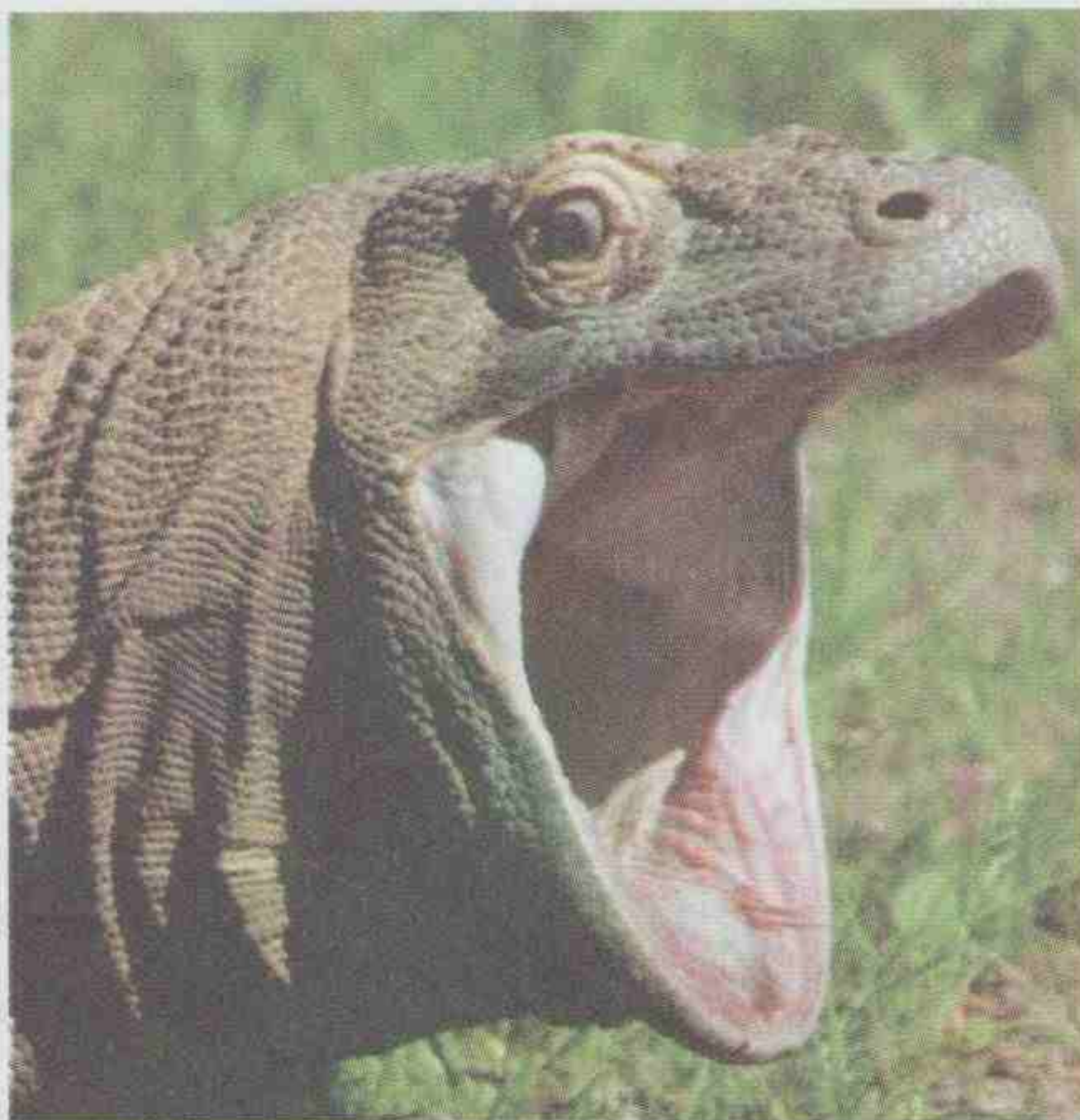
Оказывается,

разговоры о том, что драконы преследуют добычу с бешеной скоростью, – сказки. Вараны бегают шустро, но – на короткие дистанции. У них нет системы потоотделения, и они быстро перегреваются. Основной метод охоты не гонки, а засада. Укусит буйвола ядовитыми зубами и ждет, пока тот не свалится. Свиней, коз и прочую мелкую дичь дракон атакует сразу, не боясь получить отпор.

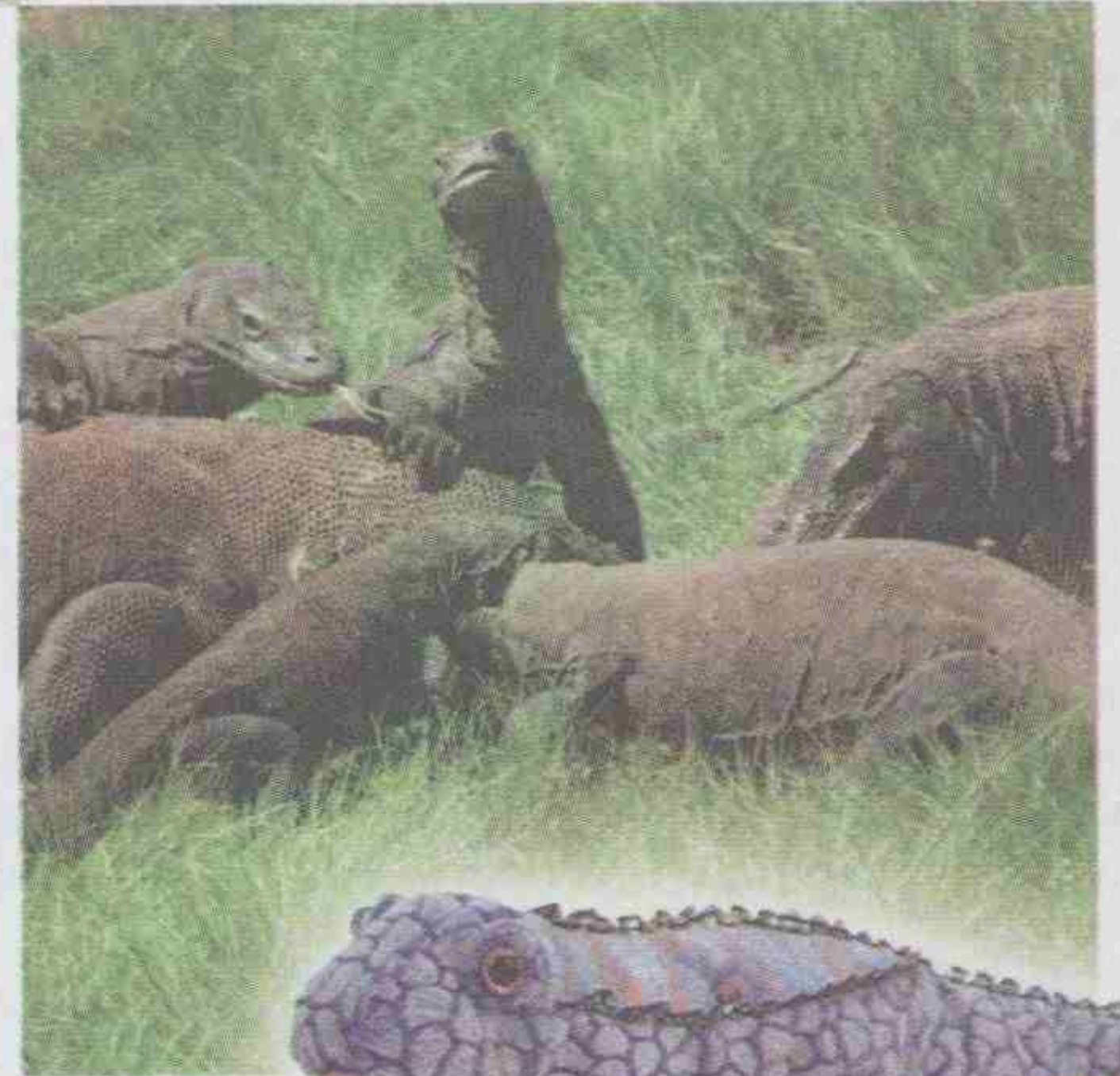
Оказывается, в комодской колонии гигантских варанов на одну дракониху приходится по два кавалера. В брачный период из-за этого случаются смертельные бои.

Оказывается, в последние годы поголовье комодских драконов даже увеличилось. На острове у них нет врагов. Почему же их не истребили? Причина простая: в отличие от крокодилей, кожа гигантов не годится для изготовления ремней и портфелей.

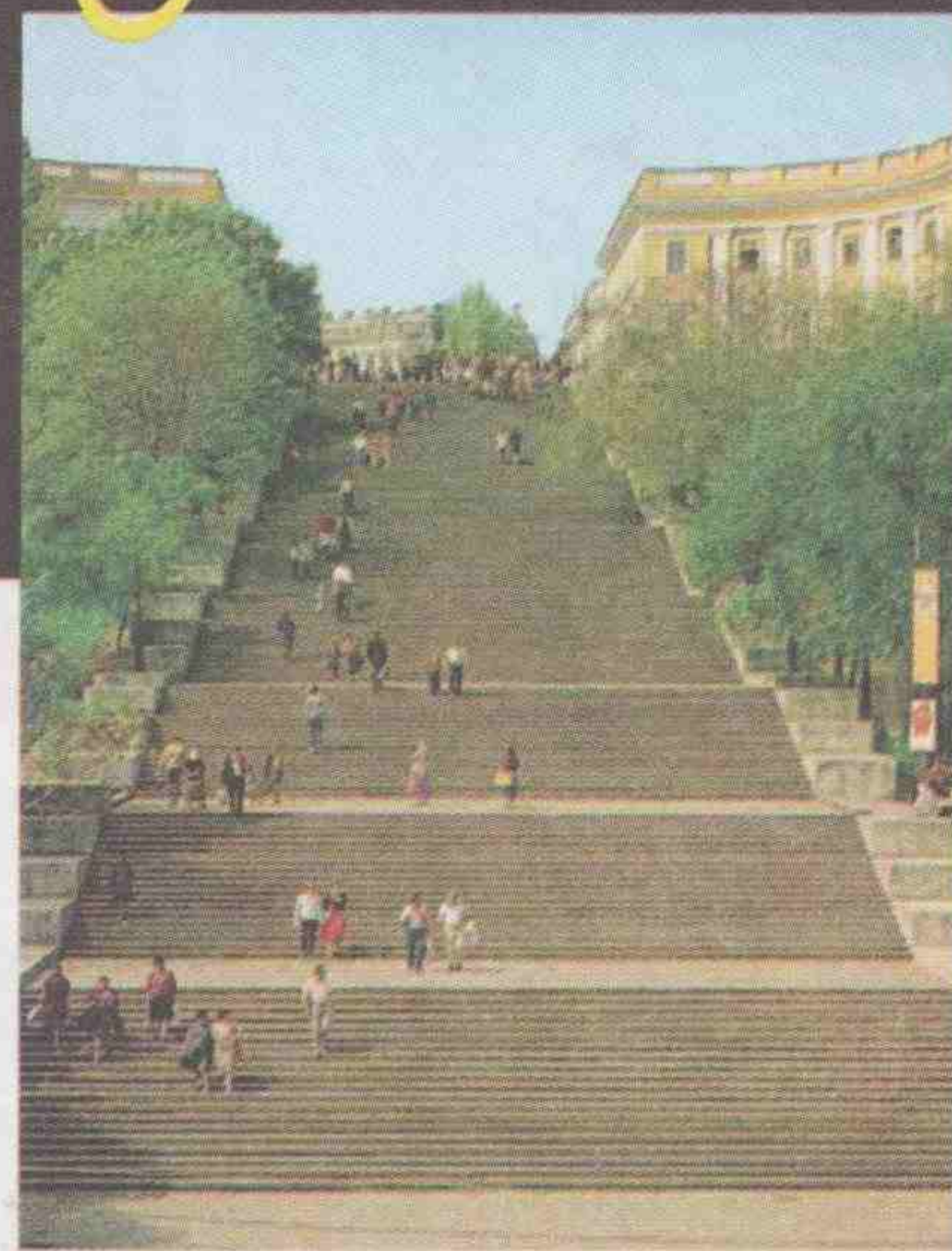

Оказывается, комодские вараны действительно опасны для людей. За 70 лет они достоверно убили 12 человек! Иногда – из-за их же легкомыслия. Известный швейцарский натуралист Л.Барон в 1978 году отказался от услуг проводников и решил самостоятельно изучать повадки драконов. Нашли только его очки, фотоаппарат и ботинки.

Взбалмошная французская туристка захотела... поцеловать дракона в морду. Жизнь ей спасли, но она на всю жизнь осталась калекой.

Поговорим за ОДЕССУ

Нет на свете другого города, про который было бы написано столько песен, городских романсов, литературных и «полулитературных» произведений. Тема у них всегда одна – нежные признания в любви к «жемчужине у моря». Возможно, только Париж может сравниться с Одессой по количеству посвященных ему произведений. Но если парижские красоты живописали «правильные» литераторы, то Одесса берет широчайшим народным сочинительством. Не хватит журнала, чтобы процитировать хотя бы по строчке из великого одесского «песенника».

Песни за Одессу (выражение *про Одессу* раньше сразу выдавало приезжего) имеют широчайшее хождение. Их распевают за тысячи километров от Черного моря – и «Ах, Одессу», и Костю-моряка, и Мишку, и Мурку, и про ссору на Дерибасовской, и «Одессу-маму».

Но это еще не все. Непостижимым образом Одесса подарила миру целое созвездие даровитых людей – поэтов, писателей, музыкантов,

композиторов, художников. Никто не может объяснить, почему в одном месте случился такой мощный «выплеск» гениальностей – Ахматова, Бабель, Катаев, Ильф, Петров, Багрицкий, Олеша, Паустовский, Житков, Чуковский, Утесов, Ойстрах, Водяной, Гилельс...

Каждый из них с благодарностью вспоминал родной город. Каждый посвятил ему стихи, музыку, яркие строки воспоминаний.

А начиналось все много столетий назад. По берегам теплой черноморской затоки люди селились еще в античные времена. Селения были маленькие – несколько лачуг да десятка полтора землянок. Что поделаешь – солнца и теплого моря вдоволь, зато не хватает пресной воды, местность скучная, безлесная.

В XV веке турки основали здесь небольшую, но удачно расположенную крепость. Три с половиной столетия спустя ее штурмом взяли русские войска – под командованием адмирала Хосе Де Рибаса. По рождению был он испанцем, а на русскую службу перешел из Неаполя. И сразу же стал Осипом Михайловичем.

Осип Михайлович был человеком отважным и умным. Судьба удивительным образом связала его с отво-еванной крепостишкой, называвшейся Хаджибеем. Сперва Де Рибас взял Хаджибей штурмом. Потом взорвал крепость без остатка, чтобы не оставлять «сию занозу» в тылу. А потом Екатерина II назначила его...

строителем нового города – на месте им же разрушенного Хаджибея.

Город она повелела наречь «кратким именем женского рода на греческий манер». По слухам, где-то в окрестностях Хаджибея существовало древнегреческое поселение *Одессос* (потом ученые выяснят, что оно располагалось... на территории нынешней Болгарии). Переделать *Одессос* в *Одессу* не составило труда. Вот только окрестные жители упрямо именовали городишко Хаджибеем. Что делать? Новые власти нашли «гениальный» выход. «Куда едешь?» – грозно окликал стражник подорожного. «В *Одессу*». «Проезжай!» Но если простак отвечал – в *Хаджибей*,

его тут же принимались пороть. Через месяц «Одессу» выгнали назубок.

Де Рибас оказался прекрасным хозяином нового города. Он позвал дельных архитекторов, инженеров, знатоков судоходства, насадил сады и рощи. А затем построил первый двухэтажный дом, в котором и поселился. На улице, названной в его честь – Дерибасовской. Сегодня это самая известная и самая красивая одесская улица. Со временем Одесса стала четвертым городом России – настоящей «жемчужиной у моря».

Насчет песен. Самая «одесская» из них, я думаю, – про Костю-моряка. Это песня-путеводитель. Фонтан, Французский бульвар, Молдаванка, Пересыпь – названия знаменитых одесских районов и улиц. Невозможно представить, что наша культура может без них обойтись. Но ведь у любви границ не бывает, правда?

Юморина

Дерибасовская

Дворик на Молдаванке

Французский садик

Морской порт

Колоннада

Ж

ЕНИХИ» И «НЕВЕСТЫ»

Мне очень нравится ваша «Почта амура». Я ее всегда с удовольствием прочитываю. А теперь вот решила и сама вам написать.

В нашем классе паре довичок, наверное, стало скучно, потому что они придумали такую игру. Распределили всех девчонок и парней по парам (без их на то согласия). Мне тоже достался от них «муж». Только он, похоже, о нашей «свадьбе» вообще не догадывается. А теперь самое интересное. Случайно или нет, но самое интересное, что мне этот мальчик и без их игр нравится. А вот я ему... Не знаю.

Как мне завоевать его внимание? Может, ты мне поможешь? Хотя... Ведь если он мне действительно **НРАВИТСЯ**, то я и сама справлюсь, правда? А если нет, то к чему тогда все эти игры?

Настоящим именем не подписываюсь.

Динара, г. Санкт-Петербург

Хочешь получать «ПИОНЕР»?

Для тебя – все виды подписки. Выбирай!

Журнал можно выписать по одному из каталогов, которыми вы привыкли пользоваться. Подписка с любого месяца, в любом отделении связи.

НО УДОБНЕЕ И ВЫГОДНЕЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ ИЗ РЕДАКЦИИ. ПЛАТИТЬ ПРИДЕТСЯ МЕНЬШЕ, А ЖУРНАЛ БУДЕТ ПРИХОДИТЬ РАНЬШЕ.

Переведите оплату за выписанные номера на наш расчетный счет через любой банк. Стоимость одного экземпляра в 2009 году вместе с пересылкой – 40 рублей. В течение года цена не меняется. Если вы хотите получать журнал заказным письмом, подписка обойдется дороже.

Заполненную карточку и ксерокопию квитанции об оплате пришлите в редакцию. По вашему желанию заверенная

печатью редакции копия карточки будет отправлена вам одновременно с первым выписанным номером журнала. «Пионер» начнет приходить к вам, как только деньги за подписку поступят на наш счет.

ВНИМАНИЕ! Если вы уже выписывали журнал из редакции не меньше года, вам предоставляется скидка 10%. Если 2 года и больше, – 15%.

КАРТОЧКА

редакционной подписки на журнал «Пионер»
(действительна с квитанцией об оплате)

Стоимость подписки на 2009 год (включая пересылку)

Простым письмом (пакет):

Один номер – 40 р.; на 3 мес. – 120 р.; на 6 мес. – 240 р.

Заказным письмом (пакет):

Один номер – 42 р.; на 3 мес. – 126 р., на 6 мес. – 252 р.

Адрес подписчика: _____

Фамилия, имя, отчество: _____

Прошу прислать следующие номера журнала «Пионер»:

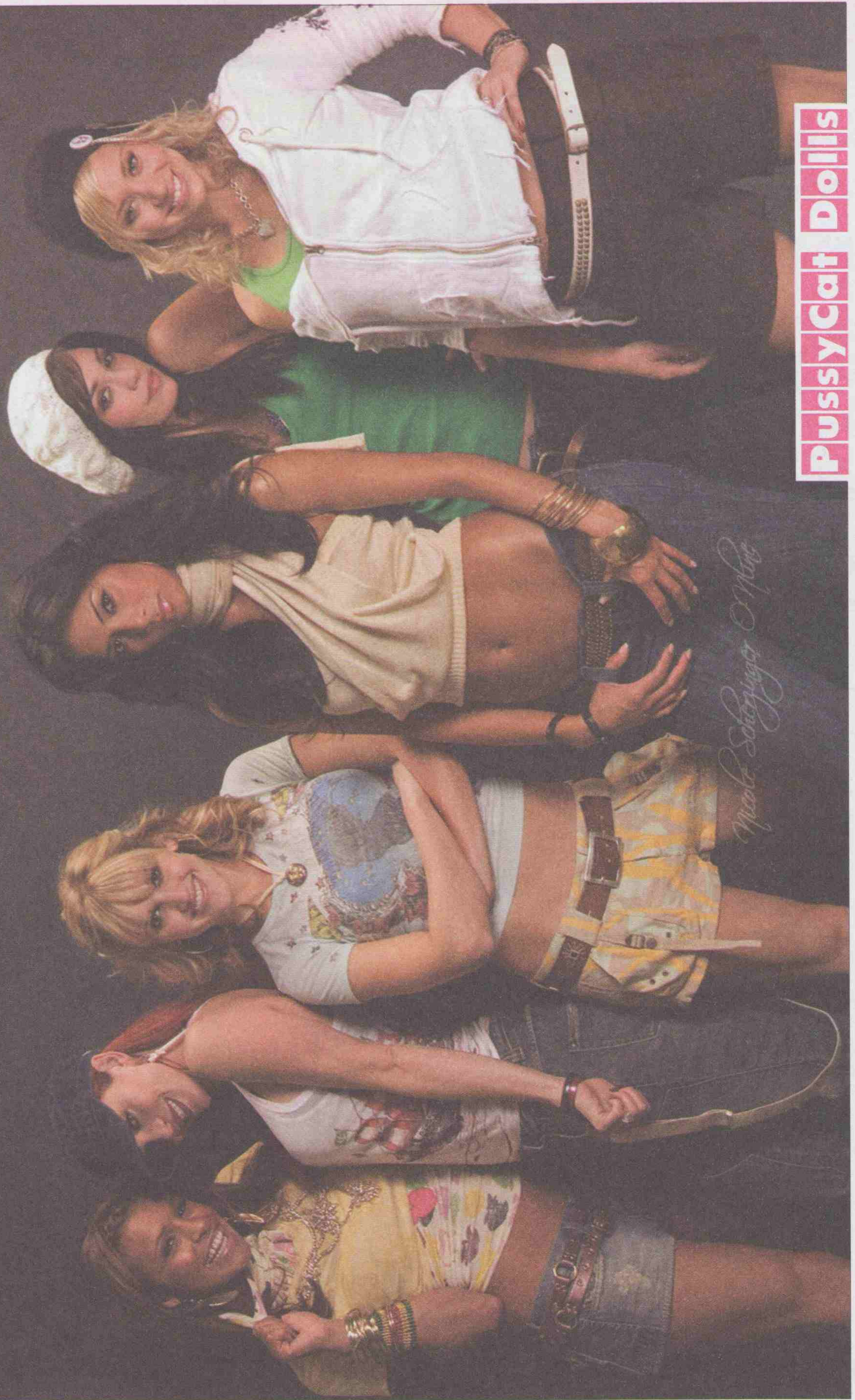
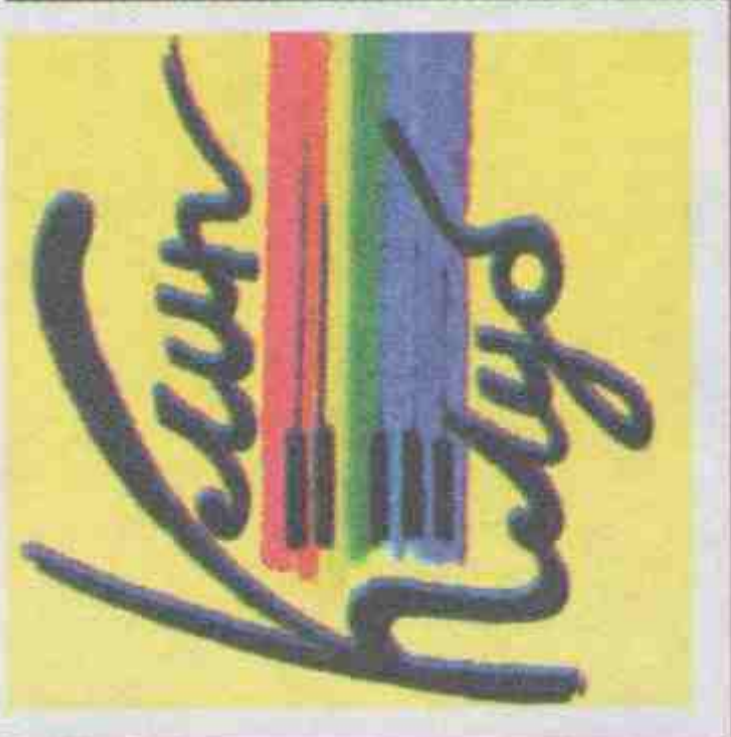
№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кол-во												

Всего номеров _____ Сумма _____ руб.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Получатель: ООО «Редакция журнала «Пионер».
ИНН 7714077516. Р. счет 40702810038090109809 в
Мещанском ОСБ № 7811 Сбербанка России г. Москва
Кор.сч. 30101810400000000225 БИК 044525225

Maak Schryver MBO

PussyCat Dolls

ЗАМАХ – НА «РУБЛЬ»

Лидер группы «Ленинград» Сергей Шнуров затеял новый музыкальный проект. Он создал еще одну группу, которая будет называться... «Рубль». Хотя, что значит – «новый проект»? В коллективе знакомые лица: кроме самого «Шнура», Денис Можин (ударные) и Андрей Антоненко (клавишные). Эти имена хорошо известны публике.

По слухам, «Рубль» будет отличаться от «Ленинграда» более жестким звучанием. Хотя – куда уж жестче? «Рублевый» дебютный клип «Ничего нового» уже во всю крутится в сети. Смотрели. И правда – ничего нового. «Шнур» как «Шнур». Хоть бы и за «Рубль».

«О, ГДЕ ТЫ, БРАТ?»

В последнее время стало обычным явлением, когда участники команд параллельно занимаются еще и своими собственными сольными проектами.

Поддались общему увлечению и «Братья Грим». Точнее, один из братьев – Борис. Он решил попытаться счастья в «автономном плавании». Спешим успокоить фанатов группы: дуэт не распался. Боря и Кос-

метов лишь, что его сольное творчество будет заметно отличаться от «братских» песен.

Главный белый рэппер планеты долго был занят другими делами. Он писал книгу, которая некоторое время назад увидела свет. Называется она многозначительно – «Мой путь».

На первых порах публика проявила к ней некоторый интерес. Но потом заметно остыла, и опус залег в книжных магазинах мертвым грузом. Возможно, по этой причине Эм страш-

но злиться, когда у него интересуются, не собирается ли он издать второй том своих сочинений.

Но нет худа без добра. После долгой паузы Эм собирается отблагодарить своих верных почитателей за терпение. На днях он сообщил в эфире собственной радиостанции «Shade-45», что его новый альбом увидит свет буквально через два-три месяца. Продюсирует проект Доктор Дре, а первым треком станет «I'm Having A Rapser». Читай, Эм. Читай!

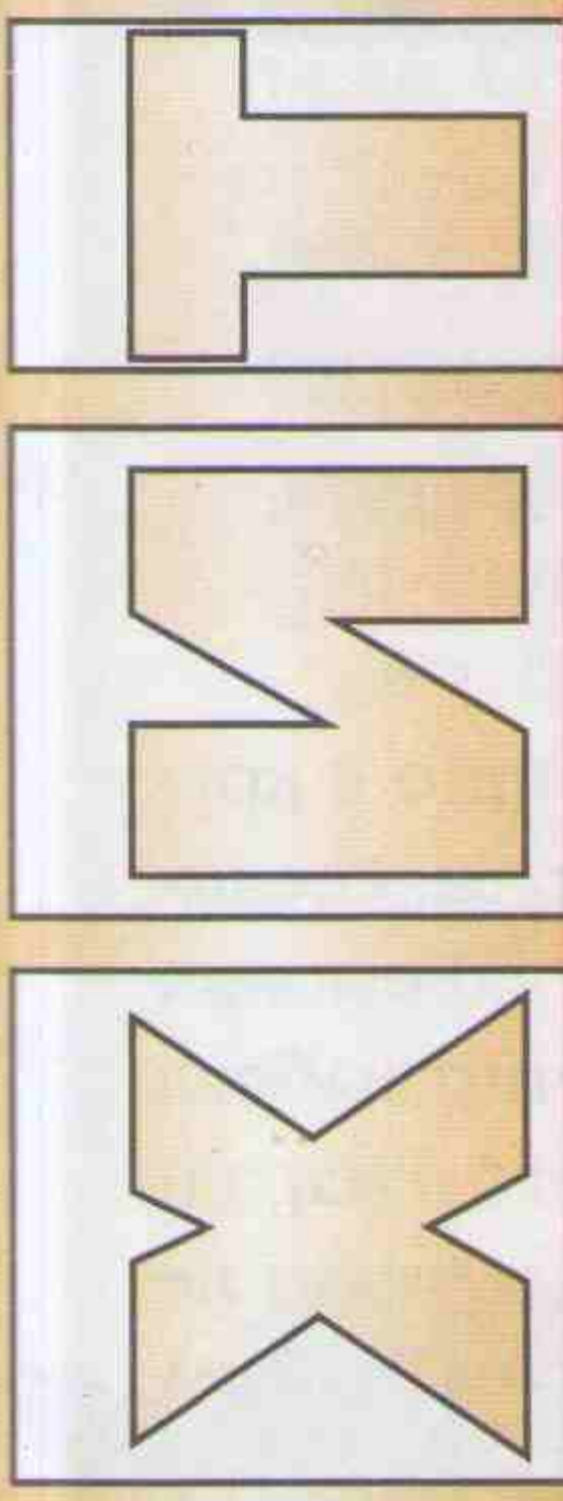
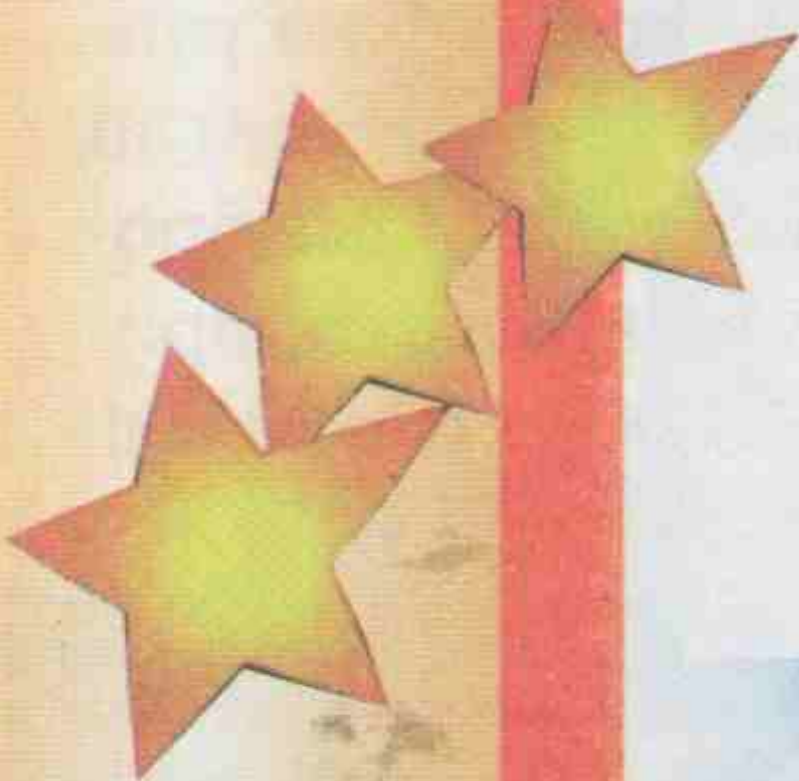
НЕ ПИСАТЕЛЬ, А «ЧИТАТЕЛЬ»

Группа «Black Eyed Peas» временно переселилась в Лондон, где завершает работу над своим новым альбомом. Работали долго. Их последний релиз «Monkey Business» состоялся в уже далеком 2005 году.

Пластинка будет называться «The E.N.D.» и появится в продаже еще до начала 2009 года. Название немного мрачноватое. Ведь «The E.N.D.» означает «конец». Правда, точки после каждой буквы намекают на то, что это – аббревиатура. «Именно так, – лукаво улыбаются музыканты. – Мы не собираемся заканчивать. «E.N.D.» расшифровывается как «Energy Never Dies», что в переводе с английского означает «энергия никогда не умирает». Так что все как раз наоборот!»

ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Тексты и переводы песен популярных зарубежных певцов и групп

Д. Майковская
ЦБС

People stop fighting
 Angels are crying
 We can be better
 Love is the answer
 Search inside

Are there any more tears to cry
 (Don't you wonder why?)
 Why you feel so alone
 All against the world
 (World... World...)
 Search back time

When you used to sing alone
 (To the music of your soul)
 Song of faith you can change
 It's not too late

People stop fighting
 Angels are crying
 We can be better
 Love is the answer
 Search inside

Are there any more tears to cry
 (Don't you wonder why?)
 Why you feel so alone
 All against the world
 (World... World...)
 Search back time

When you used to sing alone
 (To the music of your soul)
 Song of faith you can change
 It's not too late
 Love is the answer!

ANGELS

Люди, – без драки:
 Ангелы плачут!
 Станем же лучше.
 Лучший ответ – лишь любовь.
 Что там, в душе –
 Есть еще слезы?
 (Странно. И все ж: почему?)
 Так одиноко!
 Будто весь мир ополчился
 Против тебя.
 (Мир... Мир...)
 Вспомни о прошлом.
 Как в одиночестве пела
 (Музыка юной души) –
 Песню о лучшем.
 Пусть же вернется.
 Песенка эта –
 Время не вышло!
 Люди, – без драки:
 Ангелы плачут!
 Станем же лучше.
 Лучший ответ – лишь любовь.
 Что там, в душе –
 Есть еще слезы?
 (Странно. И все ж: почему?)
 Так одиноко!
 Будто весь мир ополчился
 Против тебя.
 (Мир... Мир...)
 Пусть же вернется
 Песенка эта –
 Время не вышло!
 Лучший ответ – лишь любовь.
 Только любовь...

Тексты песен даются в свободном переводе и не ложатся на музыку

MORANDI

ПЕСЕННИК

А лично тебя перевод какой песни интересует?

ПЕТР ПЕТРОВИЧ

Сергей ДОНЦОВ

Иследуя Монгольский Алтай, русский путешественник Сапожников обнаружил в цепи гор неизвестную прежде вершину. Первооткрыватель назвал ее «Петр Петрович». В донесении в столицу он объяснил, почему гора получила такое необычное название: «И так ведь ясно, в чью честь получила имя гора».

Это действительно было понятно всякому. Ибо на рубеже XIX и XX веков не было среди образованных людей России никого, кто не слышал бы о Петре Петровиче Семенов-Тян-Шанском. Первооткрывателе горных областей в Средней Азии. Ученом – основателе новой науки «экономическая география».

На картине мы видим ученого уже пожилым человеком. У него продолговатое лицо с крупным носом. Высокий лоб. Седые волосы. Огромные бакенбарды, соединяющиеся в «шкиперскую» бородку. Автор портрета – Илья Ефимович Репин. Художник замечательно передал внешнее сходство, удачно выбрал детали для психологической характеристики своего героя. Но это – парадный портрет, эскиз для будущего помпезного полотна. Как жалко, что не было рядом с Петром Петровичем такого мастера в дни его молодости! А ведь молодые годы ученого наполнены удивительными событиями.

Происходил Семенов-Тян-Шанский из старинного дворянского рода. Родился он в усадьбе Урусово (ныне это Липецкая область). Здесь, на живописных берегах речки Рановы, прошло его детство. Здесь он полюбил природу, приохотился к сбору растений для гербариев. Одиннадцатилетний мальчик самостоятельно исследовал окрестные поля и луга, определяя по ботаническому атласу латинские названия растений.

В роду Семеновых все были военными. Дед Петра Петровича вместе с Суворовым совершил переход через Альпы. Отец участвовал в сражении при Бородине, а потом вместе с русской армией вошел в Париж.

Но их сын и внук военным не стал. Он закончил Петербургский университет и выбрал карьеру ученого. География тогда в России была едва ли не самой перспективной наукой. Огромные, подчас малодоступные пространства, разнообразнейшие климатические условия, ландшафты, природные зоны. Все это надлежало исследовать и описать. Работа огромная!

Портрет П.П.Семенова-Тян-Шанского – это этюд к картине И.Е.Репина «Торжественное заседание Государственного Совета».

Петр Петрович был прекрасно осведомлен о предстоящих трудностях. Тем более, что он собирался быть не кабинетным, а *путешествующим* географом.

Когда в 1856 году Семенов отправился в свое первое путешествие по Средней Азии, он уже был серьезным ученым – автором книг по ботанике и энтомологии – науке, изучающей насекомых.

Экспедиция не просто составляла географическую карту местности. Петр Петрович был разносторонним исследователем. Растительность он изучал как ботаник. Определял горные породы как геолог. Почвы – как агроном. С животным миром знакомился как зоолог. Быт местного населения Семенов изучал как опытный этнограф. Поэтому одна экспедиция Семенова стоила нескольких.

В то время в горной Киргизии было неспокойно. Местные племена постоянно враждовали между собой – с боевыми столкновениями и человеческими жертвами. Семенову, чей отряд не превышал сотни казаков, приходилось и защищать перешедших в русское подданство «мирных» киргизов, и устраивать переговоры между враждующими сторонами, и мирить, и – для пользы дела – проявлять строгость.

Это был еще один талант Семенова – умение общаться с людьми, находить с ними общий язык. Академик Шокальский вспоминал: «Редкий интерес представляла беседа с ним! Глубина и разнообразие его разговора, меткие замечания и интереснейшие примеры – все это делало разговор с ним

чрезвычайно занимательным. И все это как бы шутя, легко, приветливо, с искренним сочувствием».

Экспедиция закончилась блистательным успехом. Но в Петербурге ученого ждал неприятный сюрприз. Очередная экспедиция в Среднюю Азию была отменена. В

министерстве иностранных дел сочли, что исследования вблизи зоны «английского влияния» могут обострить русско-британские отношения. Не время!

Что было делать – сидеть и разбирать коллекции, ожидая у моря погоды? Это было не в характере ученого. Он жаждал дела. Для России ключевой проблемой в ту пору была отмена крепостного права. И Семенов стал членом комиссии, готовившей реформу. Позднее он возглавил эту комиссию.

Около сорока лет Петр Петрович был вице-председателем Географического общества. Обычно формальным его главой становился кто-то из Великих Князей, а всю работу вел вице-председатель. Ему приходилось заботиться о научных экспедициях. Договариваться с генеральным штабом и министерством иностранных дел. Добывать средства, которых всегда не хватало.

С легкой руки Семенова были снаряже-

ны экспедиции Пржевальского – в Гоби и Тибет, Черского – в бассейн Колымы, Кропоткина – в северную часть Сибири.

Энергичным, целеустремленным, а если надо, то и «пробивным» был глава российского географического общества. Правительство отказывается финансировать экспедицию вдоль берегов Северного Ледовитого океана? Семенов находит промышленников, которые хотели бы доставлять морем товары в устья Енисея и Лены. И на купеческих пароходах экспедиция идет к своей цели. Миллионеру Рябушинскому захотелось поохотиться на Камчатке, и он запросил точные географические карты? Будут ему карты, пусть только захватит с собой ботаника Комарова.

Когда Петр Петрович чем-нибудь всерьез увлекался, это становилось частью его природы. На всю жизнь сохранил он страсть к сбору образцов растений и насекомых. А когда он увлекся искусством голландских художников, его коллекция со временем стала одним из лучших частных собраний. Картины были потом переданы в Эрмитаж; благодаря великому ученому эрмитажная коллекция «голландцев» – одна из самых богатых в мире.

Петр Петрович был очень занятым человеком. Истинным тружеником. Но никогда не жалел времени, чтобы помочь людям.

Именем ученого названы горные вершины, ледники, заливы – в Сибири, на Ала-Тау и Аляске. Но самый симпатичный «памятник», по-моему, – это скромная гора, почтительно названная в его честь Петром Петровичем.

1856 год. Таким нарисовал П.П.Семенова художник экспедиции.

*Позади Боомский перевал.
Впереди – чистые воды Иссык-Куля и... долгая жизнь в науке.*

Сергей Петренко
Ольга Златогорская

Калейдоскоп

Рисунки Алексея
ОСТРОМЕНИЦКОГО

Продолжение. Начало в №№ 9-10

Глава 4. Каменка

Ученица колдуньи

Если заснешь, я тебя больше не бужу, – предупредил папа.

– А сколько сейчас? – я открыл глаза.

– Половина пятого.

– А Леонтий, что, не кукарекал?

– Ты его не слышал. Завтракать будешь?

– Ну, пап! Ты что!

– Я положу в сумку пирожки. Осторожнее, там Синяя бутылка.

– Ага, – я потянулся и зевнул. Спать хочется – сил нет. Но если поддаться дреме и упасть в кровать, за Алькой поедет папа. И мне потом будет стыдно.

Я вышел на крыльцо и поежился. Предрассветный холод пробирал до костей. Из-за угла показался гребень Леонтия. Петух с интересом посмотрел на меня, наклонив голову.

– В следующий раз громче кричи, – сказал я ему.

Петух независимо похлопал крыльями и ушел обратно за дом.

Эх, нужно было все-таки глотнуть горячего. А теперь – быстрее в сарай, седлать пони. Они теплые.

Пони нетерпеливо переминались с ноги на ногу, им не терпелось отправиться в путь. В углу шуршало сено – так наш овинный выражает недовольство. Словно говорит: будете меня обижать, уйду, заведутся крысы и будут вот так шуршать. Сегодня он рассержен моим ранним появлением.

Вчера не понравилась вода в поилках. Позавчера... Да что вспоминать, он у нас вообще ворчун.

Под эти мысли я оседлал пони и вывел их во двор. Оглянулся – на кухне светилось окно. Хорошо там. Уютно. А я по сырости таскайся... Ой. Папа наверняка смотрит на меня. И скажет потом: «Зря поехал, только мучился». Я запрыгнул в седло и расправил плечи.

Пора.

За дальним лугом небо светлело, и проступали размытые контуры холмов. Дорога опускалась вниз, тянулась вдоль ручья, к которому стекался туман. Из него медленно выползло красное, раздутое солнце и спряталось за деревья.

Так я ехал, пока солнце не поднялось над лесом. Туман рассеялся, стало тепло. Впереди показался каменный мостик, а возле него – маленькая фигурка.

Алька увидела меня и побежала навстречу. Я спрыгнул на землю и вытащил из сумки Синюю бутылку.

– Осторожно! Не переворачивай! – крикнула Алька.

– Знаю.

Сколько можно напоминать? Когда я был маленький, мама только начала приносить домой волшебные предметы. Конечно, интересно, почему горячий отвар так долго не остывает. Разглядывая, я перевернул бутылку. Вода тут же замерзла, бутылку разорвало, а меня окатило водой. Хуже всего то, что вода при этом снова превратилась в кипяток.

С тех пор все мне напоминают – осторожнее, осторожнее...

Я достал кружки, поставил их на пенек.

– Давно ждешь?

– Не очень.

– Замерзла?
 – Чуть-чуть.
 – Давай отвар поьем. Это утренний, бодрящий. И пирожки есть, хочешь?

– Хочу.

Мы позавтракали. Алька стряхнула крошки.

– Интересно, что у папы на обед?

– Тушенная утка. Но я тебе ничего не говорил!

– Утка – это хорошо, – улыбнулась сестра. – Мама приехала?

– Не-а. Ты же знаешь, она наблюдает летние пляски наяд. А они только к середине лета закончатся.

Алька кивнула и задумалась о чем-то своем. Кажется, у нее есть что рассказать. И отлично. Пусть меня не взяли учиться магии, но интересно же!

Три месяца назад, когда Алька стала ученицей колдуньи, папа позвал меня:

– Максим, иди сюда, поговорим.

Мы сели на диван. Папа смущенно поерзал.

– Вы с Алькой всегда ладили...

Я сразу понял:

– Ты думаешь, я буду Альке завидовать, и мы поссоримся?

– Если честно, то именно этого я и боюсь, – серьезно

ответил папа.

– Да с чего ты взял? Наоборот, здорово, у нас вторая колдунья будет.

– Ну и славно, – облегченно улыбнулся папа и растрепал мне волосы. – Не хочешь постричься?

– Ну уж нет! Если я сегодня такой хороший сын, это не значит, что со мной можно делать ужасные вещи!

Папа засмеялся, и больше к этому разговору мы не возвращались. На выходные Алька приезжала домой, и я отводил право встречать ее у моста. Эти часы – самые лучшие. И пусть Алька молчит, мечтательно глядя в небо. Все равно мы вместе и понимаем друг друга без слов. Как раньше.

Мы спустились к ручью. И там мне вдруг стало страшно. Утро, солнышко светит, птицы щебечут в лесу. А мне жутко, да так, что спрятаться хочется. Кто-то другой, может, и посмеялся бы. Но Алька, глянув на меня, тут же спросила:

– Максик, ты чего?

– Слезай с пони! Тяни его в кусты!

Мы нырнули в густые заросли иван-чая. Высокие стебли сомкнулись за нами, как потайная дверь.

Очень долго ничего не происходило. Алька зашипела у меня за плечом:

– Комары...

– Тс-с-с!

На дороге появилась большая черная собака. Я не успел заметить, откуда она взялась. Она бежала, опустив морду к земле. У того места, где мы спрятались, она замерла. Медленно повернула косматую голову... И я понял, что она слепая. Но при этом – честное слово – она видела меня.

Алька встала в полный рост. Я только подумал – с ума сошла от страха. Забыл, что испугался я, а не она. И тут небо помутнело, а вокруг все застыло. Собака упала, как неживая, и скукожилась, словно высохла. Краски вернулись, мир снова ожил. А страх тут же пропал. Так бывает, когда увидишь страшный сон и проснешься. Еще немного жутко, но уже по инерции. Все ужасы остались там, за гранью сна...

Алька вцепилась в мое плечо.

– Это была бешеная собака, да?

– Не знаю. А чем ты ее?

– «Временная стрела». Ускоряет время. Очень сильно. Старшая Ха вложила в нас для защиты по одному сильному заклинанию. Оно срабатывает, если рядом настоящая опасность. Сама бы я ни за что не смогла.

– Пригодилось.

– Да уж. Поехали отсюда.

Мы пустили пони в галоп, будто за нами гнались. Я оглянулся. Высокая трава скрыла то, что осталось от собаки.

Беридушец

Дома Алька сразу начала хозяйничать – подметать пол, вытирать пыль, раскладывать по местам одежду. Я тоже не мог усидеть на месте. Стоило остановиться, задуматься – и снова вспоминалась жуткая собака. Я пошел полоть лук.

Папа удивился:

– Поспорили, кто больше домашних дел переделает?

Молодец папа. Сам бы я ни за что до такого не додумался. Еще по дороге мы решили ничего папе не говорить. Это дело магов, и Алька все расскажет старшей ведьме. Была бы дома мама, тогда другое дело.

Папа покачал головой и оставил меня наедине с грядками. Почти сразу пришла Алька.

– Давай помогу.

– Что, скучно стало?

– Пыль кончилась.

Сорняков летом всегда много, а огород у нас большой. Солнце пекло, и Алька быстро устала. Села в тени шиповника, пристально посмотрела на грядку, и несколько луковиц, вырвавшись из земли, пролетели у меня над головой и шлепнулись в кучу компоста.

– Ой, – растерялась Алька. – Не то...

– Ведьма-недоучка – хуже тайфуна с землетрясением! – я вытряс землю из волос. – Никакой пользы, порча одна.

– Когда я выучусь, – надменно отозвалась Алька, – у нас на огороде сорняки вообще расти не будут. Только полезное все.

– Комаров не забудь.

– Точно. И комаров, и пауков. И всяких кусачих мошек.

– А птичкам нечего кушать будет, и они помрут. И будет тишина и покой. Только кабачки по грядкам ползают, – я изо всех сил делал серьезное лицо.

Алька улыбнулась. Она всегда понимает, когда я шучу, и поддерживает игру.

– Зачем это они ползают?

– Раз их полоть не надо, пусть на сковородку своим ходом идут. И, значит, у них и ноги появятся, и голова.

– Кабачковая ножка, – задумчиво протянула Алька. – Деликатес! А голова зачем?

– А как они иначе сообразит, куда ползти? Уйдут к соседям, или в лес, ищи их потом.

– Да, пусть разумные будут, правильно.

– А когда кабачки разумными станут, они ведь не захотят, чтобы их ели. Уйдут в пещеры, шерстью обростут, начнут на огурцов охотиться.

– А шерстью почему обростут?

– По закону эволюции. Приспособление к холоду.

Я думал, теперь она наконец-то засмеется, но Алька только улыбнулась и снова скисла. Оглянулась и негромко сказала:

– Я все думаю... Про ту собаку. Как она там оказалась?

– Случайно, – как можно тверже ответил я.

– Не верю, – упрямо помотала головой Алька. – Старшая Ха в нас раньше никогда защитные заклинания не вкладывала. А тут собрала всех – и каждому... А мы так обрадовались, что даже не спросили – зачем. Вот глупые.

– Думаешь, маги что-то знают?

– Наверняка. Только нам пока не говорят.

– Интересно, что у нас могло случиться.

– Может, не у нас. Маги ведь запросто между мирами

ходят. Они говорят, это не разные миры, а варианты одного, большого. И произносят так, как будто это название – Варианты миров. Я этого пока не понимаю, у нас две лекции по переходам были, а практика вообще в следующем году.

Я обдумал все это и посоветовал:

– Выбрось пока это из головы. А послезавтра расскажешь своим учителям, они разберутся.

– Я стараюсь, – печально сообщила Алька. – Но не очень выходит.

– Пошли на речку!

– Не хочется.

– Пойдем. Холодная вода – лучшее средство от грустных мыслей. По себе знаю.

Алька бросила на меня короткий взгляд, но ничего не спросила. Поднялась, отряхнула ладони и вдруг спохватилась:

– Ох, я же тебе подарок привезла! И забыла. Вот раззява!

Она развернулась и побежала в дом. Я пошел за ней.

Подарок – это интересно.

Алька протянула мне маленький деревянный гребешок.

– Вот.

Он оказался неожиданно тяжелым. Ручка украшена резьбой, зубчики тонкие, частые.

– Это мне? Зачем?

– Знаю, стричься и причесываться не любишь. Вот и ходишь чучелом. А это не просто гребешок, это артефакт.

Последнее слово Алька произнесла с нажимом, сделав значительное лицо.

– Чего? – растерялся я.

– Волшебный он. Будешь пользоваться, волосы виться начнут.

– Это ты специально, – догадался я. – Чтобы заставить меня причесываться.

Алька вздохнула:

– Смотри.

Вытянула ленты из косичек, мотнула головой. Волосы у Альки всегда были, как у меня – тонкие, прямые. А сейчас они лежали красивыми локонами.

– Ну, как? – довольно поинтересовалась Алька.

– Здорово. А ты как же?

– У меня есть. А это я специально для тебя делала.

– Сама?!

– Ну, не совсем. Нас учили готовое заклинание помещать в предмет-хранитель. Его старшекурсники делали. Тут узор особенный, не думай, что для красоты.

– Ты молодчина, – честно сказал я. Вставил гребень в волосы, дернул.

– Ай! Вот поэтому не люблю причесываться!

– Ты просто не умеешь. Кто ж от корней чешет? Дай сюда. Сядь.

Алька осторожно расчесала мне волосы. И правда, не больно.

– Все.

– Теперь пошли на речку?

В комнату заглянул папа. Улыбнулся:

– Макс, тебе идет аккуратная прическа!

Мы с Алькой засмеялись. А папа добавил:

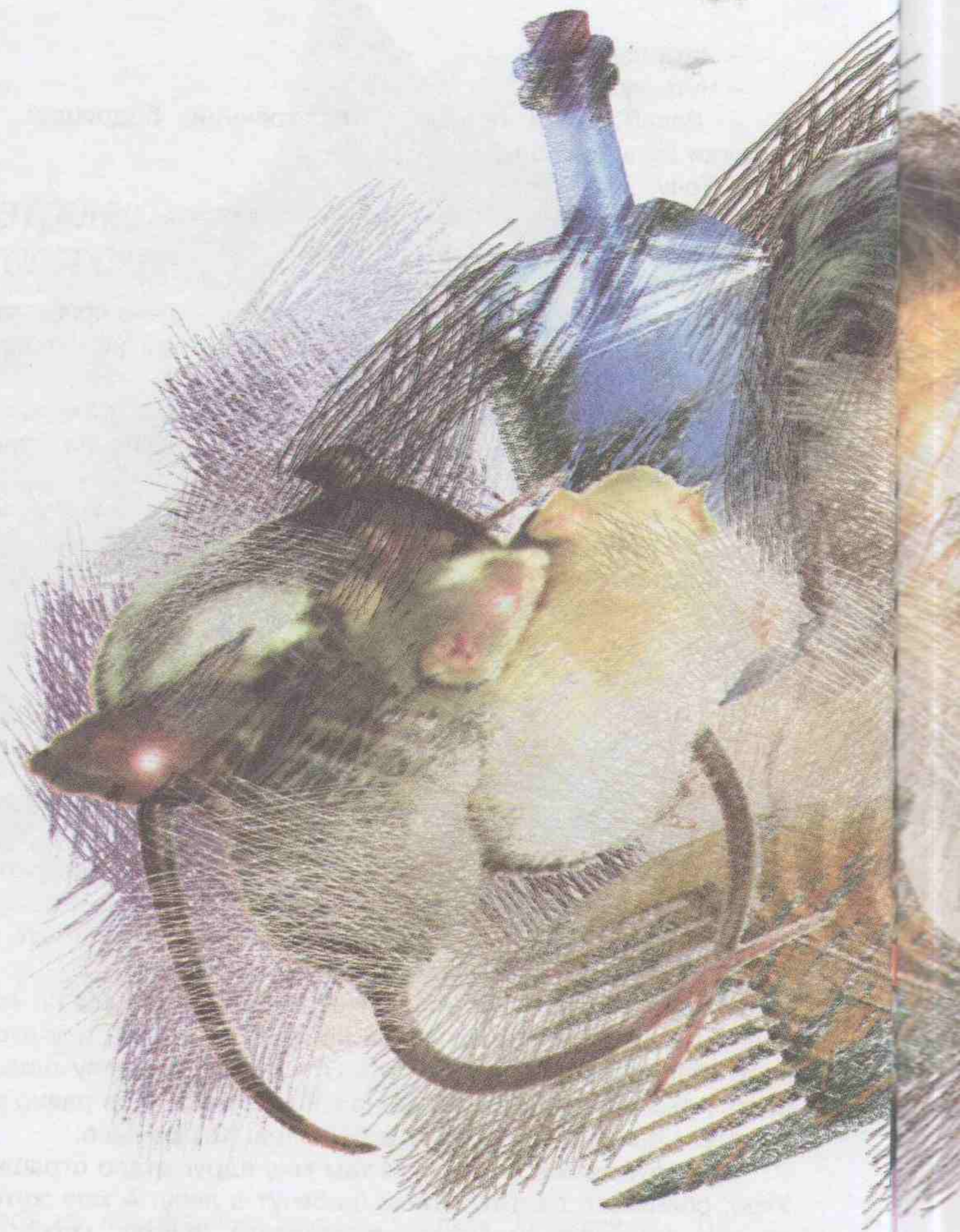
– Принесите яблоки. И не забудьте помощников поблагодарить!

– Да, сейчас, – отозвалась Алька и вышла из комнаты. Я выпрыгнул в окно – оно как раз выходило в сад.

Под деревьями стояли ведра, наполненные яблоками. Я прошептал:

– Спасибо, Читок и Бот.

Появилась Алька.

– Откуда ты знаешь, как их зовут?

Я задумался.

– Не знаю. Может, приснилось?

– А ты их видел?

– Не-а. Но знаю, что они маленькие и мохнатые.

– Это все знают.

Мы принесли яблоки на кухню.

– Помочь чем-нибудь? – спросила Алька. Я испугался, что папа засадит нас чистить яблоки, но он покачал головой:

– Отдыхайте.

И мы ушли на речку. Купание пошло сестре на пользу: она перестала хмуриться, развеселилась, хохотала и визжала на весь берег. Переплыв речку туда и обратно, пожаловалась:

– Есть хочу. А ты?

– Не очень. Жарко.

– Парит. Будет гроза.

– Скоро?

Алька глянула на небо.

– Не. Часа через два. Поныряем?

– Давай.

Мы ныряли, пока не замерзли. Алька, синяя, как снятое молоко, трясущимися губами выговорила:

– Пойдем домой? Скоро польет.

Я кивнул, натянул шорты. Рубашку надевать не стал – пусть плечи загорают. Алька облачилась в сарафан и расчесывала волосы гребешком с мелкими зубцами. Она перехва-

тила мой
взгляд и
улыбнулась:
– Свой-
то не взял?
– Не-а.
– Возьми этот.
– А так разве
можно?
– Вообще-то нет.

Заклинание на кого-то одного настроено. Но к близким по крови родственникам это не относится.

Я взял гребешок и причесался. Это неожиданно оказалось даже приятно.

– Твой лучше, – не удержался я. – Он уже обученный, волосы не дерет.

– Можем поменяться, если хочешь.

– Ладно, я свой адрессирую. Будет у меня шелковый.

Мы поднялись по откосу и зашагали через луг, к деревне. Ветер рывками тащил к ней свинцовые тучи.

– Давай быстрее! – заволновалась Алька. – Сейчас дождь вдарит!

Мы побежали. Сначала – по тропинке, потом по дороге, а оттуда выскочили на нашу улицу. У дома напротив валялась куча почерневших от грязи тряпок. Она шевельнулась, и оказалось, что это старуха – дряхлая, грязная, в жутком рванье.

Я остановился, Алька чуть не врезалась в меня.

– Ты чего встал? Бежим!

Я смотрел на старуху.

Она копошилась в пыли, поднимаясь и снова падая. Казалось, ее отбрасывает невидимая рука.

Не сговариваясь, мы шагнули к старухе. Она нас не заметила. Встала на колени, сильно наклонившись вперед. Ее лохмотья и спутанные волосы развевались, словно от сильного ветра. Но в двух шагах от нее никакого ветра не было. Все затихло перед грозой.

Старуха беззвучно продолжала свою борьбу. Она цеплялась за палисадник, траву, неподвижный воздух, пытаясь подняться в полный рост.

Мысленно назвав себя придурком, я сделал шаг и схватил старуху за лохмотья. Почувствовал всей кожей, как взъярился ветер, дернул. Алька вцепилась в старуху с другой стороны.

Мы упали в лопухи у нашего забора.

– Добрые детки, – проскрипела старуха. – Надо же!

– Откуда вы, бабушка? – спросила Алька. А я разглядывал старуху. Лицо у нее было кукольное, но сморщенное, будто куклу совали головой в огонь.

Старуха закашлялась.

– Откуда, откуда... Оттуда! – она ткнула в землю костлявым пальцем. – Но это неважно. Я шла к тебе, Максим.

Я обалдел:

– Ко мне? Вы?

Старуха захихикала:

– Что, не узнаешь наставницу? Да, неважно я выгляжу.

Алька глянула на меня: «Сумасшедшая». Я кивнул. А бабка ясным, совсем не старческим голосом спросила:

– Максим, ты совсем ничего не помнишь? Ни Совиный Замок, ни Маркуса?

Я помотал головой.

– Этого я и боялась, – пробормотала старуха. – Но хоть во сне ты должен возвращаться туда!

Теперь я совсем растерялся. О своих снах я рассказывал только Альке. Но она переводила изумленные глаза с бабки на меня и тоже ничего не понимала.

А старуха запричитала:

– Плохо дело, хуже, чем я думала. Ты здесь, он здесь, а я даже в этом теле не могу. Плохо, плохо...

– Кто – он? – я пытался понять хоть что-то.

Старуха улыбнулась беззубым ртом:

– Это ты должен вспомнить сам. И вернуться.

Старуха снова закашлялась, затряслась. И рассыпалась мелкой пылью.

И тут же с неба обрушился дождь.

* * *

Папа заставил нас снять мокрое и растереться полотенцами. Я завернулся в махровую простыню и плюхнулся на кровать. И тут же вскочил.

– Алька, смотри!

Между подушкой и стеной забились маленькие мохнатые существа. Одно зажмурилось, другое, наоборот, вытаращило глаза.

– Бот? Читок? – сообразил я.

– Хобот, – поправил тот, что зажмуривался, и открыл глаза. – А я Очисток. Мы думали, здесь безопасно...

Алька села на край кровати.

– Что у вас случилось?

Они заговорили наперебой:

– Теперь там бегают мерзкие крысы! И запах, гадкий запах!

– У нас обвалился потолок!

– Что-то большое упало к нам! Страшная крыса! Слепая!

– Теперь там жить нельзя!

Мы с Алькой переглянулись. Я осторожно спросил:

– Вы знаете, кто посылает этих зверей?

Хобот втянул голову в плечи и просипел:

– Беридушец.

– А кто это? – я не знал такого имени. Оглянулся на Альку, она пожала плечами. Хобот зажмурился и прошептал:

– Он плохой, черный. Не тролль, как мы, не человек, как вы. Нет, совсем нет!

Хобот, кажется, очень боялся этого Беридушца. Но мне нужно узнать главное.

– А что он делает?

– Камни. Прозрачные, как вода. Блестят. Камни душу забирают, тело остается. Ходит, душу ищет.

– Ты видел эти камни?

– Не видел. И не хочу! – Хобот уполз в угол, свернулся, как еж.

– А ты? – я посмотрел на Очистка.

– Не знаю, ничего не знаю, – захныкал он. – Отстань!

Алька тронула меня за плечо:

– Оставь их. Старуха сказала, что она «оттуда». Может, из другого Варианта? И Беридушца, и Замок?

– Может.

– Тогда я знаю, как попасть туда. Я подслушала одно заклинание, которая наша повариха шепчет, когда ищет половник. Если вместо «половник» сказать «Совиный Замок»...

– Алька, не надо!

– А ты что предлагаешь?

– Послезавтра вернешься в школу, расскажешь все своим учителям. Они что-нибудь придумают.

Алька поморщилась.

– Во-первых, школа там, а ты тут. И проблемы – тоже тут. Старшие ведьмы, может, и разбираться не захотят. Во-вторых, они все выпросят, а нам ничего не скажут. Ты что, взрослых не знаешь? И в-третьих...

Я понял, что она боится.

– Мне страшно, – честно сказала она. – Смотри, сколько всего сегодня случилось. А что завтра будет?

– Но все равно, – заспорил я. – Неизвестное заклинание, мало ли что получится?

– Перестань, – Алька решительно мотнула головой, мокрые волосы разлетелись. – Главное, что мы будем вместе.

– Но ходить между мирами могут только взрослые маги! Ты сама говорила, что у вас практика только в следующем году начнется!

– Ой, ну не будь таким перестраховщиком. Если что – вернемся.

– Как?

– Так же. Поставим в заклинание вместо «половник» – «деревня Каменка», и все.

У меня появилось предчувствие большой беды. Но что принесет ее – путешествие в другой Вариант или завтрашний день дома, я понять не мог. Сидеть и ждать – хуже всего. И я согласился.

– Давай тогда хоть оденемся, как следует.

– Да, правильно.

Мы оделись по-походному. Алька взяла меня за руку, зашептала что-то. Я не разобрал слов – уши заложило и потемнело в глазах. Показалось, что пола нет, а вокруг – черная бездна. Потом все прошло. Я открыл глаза и понял, что по-прежнему стою посреди комнаты.

Альки не было.

Я заметался по дому, влетел во двор. Все вокруг казалось странным, зловещим. На заборе сидела черная кошка. Худая, взъерошенная. Она совершенно не по-кошачьи скалила зубы и щурила глаза.

Тоже чувствует...

Папа вышел на крыльцо, глянул удивленно:

– Что с тобой?

– Пап, ты Альку не видел?

– Кого?

И тут же я понял, что такой разговор уже был. Когда-то давно. В другом Варианте или во сне. Или, может быть, еще только будет.

– Никого. Это я... играл так.

Я вернулся в комнату, сел на кровать. Домашние тролли тоже исчезли. Может, ушли, а может, в этом мире их не было. Как Альки.

Зажмурившись, я стиснул зубы и сжал кулаки.

Где ты, Алька?

Глава 5. Совиный Замок

Трое

Алька нерешительно сказала:

– А я ничего такого не помню...

Мы только что рассказали друг другу, как каждый из нас оказался в Замке. Я рассказывал дольше всех. Потрескивал огонь в камине, а узким окошком чернела ночь. Ветер бросал в стекло снежную крупу.

Пузырек молчал. Он вообще мало разговаривает.

Алька добавила:

– Кое-что кажется знакомым. Вот, например, ты мне снился. Здесь, в Замке. Сначала интересный был сон, а потом страшный. Приснилось, что за дверью чудовище какое-то. Я вскочила, хотела дверь запереть, а она открылась сама собой. А за дверью – он, – Алька кивнула на Пузырька.

Теперь я понял, почему Алька так кричала, увидев водяного.

Пузырек застенчиво улыбнулся.

Я улыбнулся ему в ответ – мол, ничего страшного, ты не виноват – и повернулся к Альке.

– Я тоже помню другие Варианты, как сон. Очень яркий и подробный. Может, из-за того, что я прошел через кристалл.

– Все это странно. Непонятно, где начало у твоей истории.

– Да уж, я сам думал-думал, чуть не свихнулся. Получается, что я увидел Замок во сне, потому что прошел через кристалл. Но кристалл-то был уже потом, в Замке! Чепуха какая-то выходит.

– И теперь ты хочешь, чтобы я во все это поверила? – с ноткой ехидства спросила Алька.

Я вспомнил, как мы до хрипоты спорили дома – там, на Воронежской. И как я первым переходил на личности, чтобы Алька разозлилась и убежала, а я получилась победитель... Тот мир придвинулся вплотную. Но еще два – тот, где мы жили душа в душу, и тот, где сестры у меня вовсе не было, – стояли за спиной. И я мягко сказал:

– Сова тебя прямо в Замок принесли. А они только меня защищать должны. Они ошиблись именно потому, что мы близки по крови.

– Это не доказательство, – упрямо ответила Алька. – Если этот мир раньше был другим, кто это может доказать?

– Можно, я скажу? – несмело спросил Пузырек. – Хозяин леса – волшебный зверь...

– Точно! – обрадовался я. – Вряд ли его зацепила волна.

Алька медленно, словно вспоминая давно выученный урок, произнесла:

– Когда Вариант теряет важную часть, или еще говорят – «ключ», возникает волна. Она переделывает Вариант так, как будто этой части никогда не было. А «ключом» становится что-то другое. Память у людей переписывается. Но не у всех. Маги помнят, как было раньше. Так?

– Правильно, – обрадовался я. – Откуда знаешь?

– Ведьмы учили... Ой...

– Ага, вспоминаешь! – обрадовался я.

Алька посмотрела на меня, словно впервые увидела. И тихо добавила:

– Наверное, я все-таки не ведьма пока, раз все забыла... А еще девчонки рассказывали... Но это уже совсем сказка...

Что если ты не волшебница, а хочешь вспомнить, что было в другом Варианте, надо найти «ключ» от этого. Но все равно будешь помнить как сон или книгу, которую читала давным-давно. Все помнить только маги могут. И волшебные существа.

– Вот видишь, ты меня увидела и начала вспоминать, – подытожил я.

Алька закусила губу, прищурилась. Интересно, о чем она думает?

– Максим, ты только не обижайся... Но сон про тебя мне приснился до того, как мы встретились. Не подтверждается твоя теория.

– Ну и фиг с ней. Надо придумать, что дальше делать.

Я еще раз прокрутил в голове все части истории. По всему выходило, что Беридушец – Маркус. Он перемещается по разным Вариантам и забирает души с помощью кристалла. И меня просил пройти через него. Хотел забрать мою душу? Чтобы я, с бельмами вместо глаз, исполнял его волю?

Меня передернуло.

Алька спросила:

– А как позвать твоего волка?

Пузырек прошептал:

– Он страшный.

– Это только так кажется, – ответил я. – Он хороший. И не трогает тех, ко мне не враг.

– Ты просто не хочешь верить в плохое, – пронизательно заметила Алька.

– Не хочу. Я спрошу у него самого.

* * *

Утром Пузырек отвел нас с Алькой к двери, которую Ирх велел запереть. Нерешительно спросил:

– Ты уверен, что волк тебе ничего не сделает?

– Конечно. Мы с ним друзья.

– С Беридушцем вы тоже были друзья, – тихо казал Пузырек и опустил голову.

Я положил ладонь ему на плечо.

– Ты боишься?

– Да, – прошептал Пузырек. – За тебя.

Алька решительно сказала:

– Не бойся, я такое заклинание знаю – волку не поздоровится!

Я отодвинул засов, открыл тяжелую дверь и вышел за пределы замка. Здесь дул ветер, да и воздух показался холоднее. Я крикнул:

– И-и-ирх!

От деревьев отделилась тень и понеслась ко мне. Огромный волк проваливался в глубокий снег, но все равно мчался неправдоподобно быстро. Сбоку металась его тень – длинная, черная. Вот он поднялся на холм, еще один прыжок – и страж леса уткнулся носом в мой полушубок. Сзади сдавленно охнул Пузырек, и что-то торопливо зашептала Алька. А я упал на колени и обнял Ирха за голову.

– Ты вернулся, – прорычал волк. – Живой. Настоящий.

– Долго меня не было?

– С середины лета. Я ждал. Охранял Замок.

– От кого?

– От врага.

Алька тихо сказала:

– Пойдем, Пузырек. Не будем им мешать.

Прошелестели по камню шаги, и стало тихо.

– Я должен многое рассказать тебе, – рыкнул Ирх. – Слушай.

...В замок я вернулся к полудню. Уставший, промокший и озадаченный.

– Ты что, в снегу валялся? – строго спросила Алька. – Сейчас же переоденься в сухое!

– Знаешь, что сказал Ирх? Недавно, по первому снегу, какая-то женщина везла к замку мешок. Ирх почувствовал

магию Маркуса,
остановил ее.

– Загрыз? – Алька
резко побледнела.

– Нет, просто прогнал. А
мешок утопил в болоте. Но ин-
тересно не это. В мешке были то ли
камни, то ли осколки стекла. И пахли
они крысами.

– Вот как, – пробормотала Алька. – Слепые крысы из того
Варианта. Зачем они?

– Не знаю. Маркус хочет попасть в замок, но не может. И
Замок не пускает, и страж не дремлет. Может быть, крысы
должны были проникнуть в Замок вместо него?

– Все равно не понятно, зачем, – пожалала плечами Алька.
– А ты спросил, зачем волк оленуху загрыз?

– Спросил. Маркус поставил на Ирха ловушку. Волк
выбрался, но потерял много сил. Знаешь, как высшие звери
их восстанавливают?

Алька неохотно кивнула.

Я глянул на Пузырька – не нужно ли объяснить, что про-
исходит? Но водяник, кажется, все понял. Нахмурился:

– Теперь мы будем защищать Замок?

– Похоже на то.

– Тогда нужно проверить, все ли двери закрыты. И нет ли
здесь подземного хода.

– Пузырек... Ты у нас самый умный, честное слово.
Конечно, есть. Как я забыл?

Подземелье

Под землю без света не полезешь. Снять со стены масля-
ный фонарь не получилось, а факелы никто из нас делать не
умел.

– Я могу подсветить, только неярко, – сообщила Алька и
что-то зашептала. Я думал, загорится светящийся шарик, но
вместо этого у сестры засветились ладони.

– Здорово, – засмеялся я. – Как будто у тебя в руках по
мобильнику!

– По могильнику? – не поняла Алька. – Ты гнилушки име-
ешь ввиду?

– Нет, это штука такая... Из Варианта, который ты не пом-
нишь. Потом объясню.

Мы оделись и спустились по лестнице. Оттуда – в
подвал, а там за кучей старой рогожи – еще одна дверь.

Внизу было холоднее, чем во дворе, но теплее, чем
за стенами Замка. Мы медленно пробирались по узкому
каменному проходу. Первым шел Пузырек – он отлично
видел в темноте. За ним – Алька, освещающая путь руками. Сестра
научилась этому колдовству сразу, как только поступила
учиться в школу волшебников. Но этот мир я помнил
смутно, как сон. Да и Замок казался ненастоящим.
Как будто еще немного, и я проснусь в своей ком-
нате на Воронежской, сяду учить уроки...

– Знаешь, – оглянулась Алька, – я бы ни за что
не нашла подземный ход. Как ты догадался, где он?

– Мне Замок показал.

– Он... живой? – прошептала Алька.

– Да, наверное.

Пузырек громко сказал:

– Воздух стал теплее, чувствуете? А из стены корни тор-
чат, раньше не было.

Алька взяла его за руку.

– Дай-ка... На всякий случай.

– У тебя ладошка погасла, – пробормотал Пузырек.

– Хватит одной. Скоро выход. Смотри, как светло стало...

Пузырек ответил что-то, но я не разобрал. Показалось,
что меня окликнули, но не словами, а тоской, идущей из
самого сердца. Я зажмурился и... И упал на четвереньки в
высокую траву. Сразу стало жарко – для разведки подзе-
мелья мы оделись по-зимнему. А здесь было лето.

Я огляделся. Знакомая улица! Вот у этого забора мы пов-
стречали жуткую старуху, в которую превратилась Урана.
Раньше рядом стоял наш дом, но теперь его нет. Вместо него
– длинный забор, за которым шелестят листвой яблони.

Над забором мелькнуло что-то темное, и мне под ноги
прыгнула черная кошка. Худая, с рваными ушами. Она трону-
ла меня за ногу передней лапкой, заглянула в глаза и сипло
мякнула.

– Это ты меня звала? – я подхватил ее на руки. – Зачем?

Она снова мякнула. Я скорее догадался, чем понял:
«Обратно!». И потянулся в Замок, к Альке и Пузырьку.

После летней жары в подземелье оказалось особенно
холодно. Алька и Пузырек отошли шагов на десять. Кажется,
они даже не заметили моего отсутствия. Кошка беззвучно
спрыгнула на пол и исчезла во тьме.

– Куда ведет этот ход? – спросила Алька. – Максим, ты
ведь не был здесь раньше?

– Нет, – не задумываясь, ответил я, и вдруг вспомнил. Я
тогда только познакомился с Ураной. Она пришла вечером,
когда я уже ложился спать, и положила на кровать большую
книгу.

– Откуда это? – шепотом спросил я.

От книги веяло чем-то нездешним.

– Это неважно. Когда ты прочтешь ее, я покажу тебе
дорогу. Ты сможешь увидеть другие места. Там найдешь уди-
вительные вещи... и книги, которых нет у нас.

Я обрадованно схватил книгу, а потом почему-то оказал-
ся перед невзрачной дверью, затянутой по углам паутиной.
Приготовился к тому, что будет страшно, но за дверью была
теплая летняя ночь, и мальчишки у костра приняли меня в
круг, как своего...

Утром книга исчезла, а Урана ни о чем не спрашивала. Я
решил, что ночные приключения мне приснились. И забыл о
них.

Я догнал Альку и Пузырька в несколько прыжков.

– Стойте! Это не просто подземный ход! Это дорога в
другой Вариант!

– Ну и ладно, – отозвалась Алька. – Что это меняет?
– Мы с тобой уже один раз ходили между мирами, – напомнил я.

– Это другое дело, – обиделась Алька. – Там заклинание было, вот мы и заблудились. А если здесь – постоянный переход, то он всегда из одной точки в другую выводит. И потом, какая разница? Мы ведь хотели узнать, кого можно ждать с той стороны! Вот и посмотрим.

Я хотел ответить, но тут ветер принес запах реки и трав. Водяной неожиданно вырвал свою руку из Алькиной и побежал.

– Пузырек! – закричал я. – Стой!

Водяной не остановился. Мы побежали следом, ход сужался, но становилось светлее. Камень под ногами пропал, зашуршал песок. А потом за переплетением ветвей и листьев показалось синее небо. Здесь по-прежнему было лето. Мы сбросили полушубки, продрались через колючие кусты и оказались на высоком берегу. Река блестела внизу, метрах в десяти. Пузырек почти спустился, но до воды не добежал. Сверху метнулась черная тварь – то ли мохнатая птица, то ли огромная летучая мышь – и ухватила водяника так быстро, что тот не успел даже крикнуть.

Зато закричала Алька:

– Максим, что это? Сделай что-нибудь!

Я прищурился вслед мохнатой птице. Медленно я поднял руку, потянулся к звероптице и ударил ее воздушным потоком. Она дернулась, закричала и выронила свою ношу.

– Пузырек! Он разобьется!

– Там вода.

– Как мы найдем его?

– Подожди...

Я снова потянулся к птице. Сейчас я чувствовал, как она испугана. Мысленно приказал ей: «Ко мне!». И отошел от берега, чтобы дать ей место.

Она рухнула с неба – огромная, как самолет. Тяжело дыша, положила башку с зубастой пастью к моим ногам. Кажется, ей было не столько больно, сколько страшно. Я спросил:

– Кому ты служишь?

– Тебе, хозяин, – выдохнула она.

Я сначала не понял, даже хотел ударить птицу, чтобы не врала. Но потом сообразил:

– Теперь-то да. А кто послал тебя?

– Не знаю имени. Он разбудил меня, сказал – я должна его слушаться.

– И ты поверила?

– Он маг.

– И что?

Звероптица еле слышно заклекотала, ее глаза затянулись мутной пленкой.

Алька дернула меня за рукав, прошептала:

– Ты пугаешь ее. Подожди.

И раньше, чем я успел вмешаться, присела на корточки и прижалась головой к шее птицы. Посидела немного, закрыв глаза, выпрямилась:

– Все ясно.

– Маркус?

– Кто же еще. Представляешь, птица спала. Много-много лет, может быть, даже веков. А он явился, наглый такой, разрушил ее скалу и говорит: «Чувствуешь мощь? Я Хозяин Ветра, подчиняйся мне». А птица – она сильная, но не очень умная. Она испугалась.

– Что он приказал ей?

– Следить за этим выходом. Когда появится человек, схватить и принести ему.

– Понятно, – кивнул я. – Зачем Маркусу меня похищать?
– Интересно, откуда он знал, что ты выйдешь именно отсюда?

– Он много чего знает обо мне. Иногда даже кажется – больше, чем я сам.

– Отпусти птичку, – попросила Алька.

– Подожди. Пусть сперва вернет Пузырька.

Звероптица поднялась на короткие ноги, скорее даже лапы, вытянулась вверх и мягко взмыла в небо.

– Вот это скорость, – Алька посмотрела ей вслед. – Уже почти не видно... Исчезла... Ой, обратно летит!

Птица стремительно увеличивалась. Вот она спикировала к земле и аккуратно опустила на траву Пузырька.

– Хозяин, я вернулась, я быстро все исполнила! Вот маленький водяник, цел, не поцарапался даже!

– Спасибо, – машинально ответил я.

Птица удивленно заклекотала:

– Хозяин, ты благодаришь меня?

– Конечно. Ты сделала, что я просил, я говорю «спасибо». Что в этом такого?

– Но я и так должна служить тебе...

– Ничего ты не должна, – меня раздражал этот разговор. – Считаю, что я тебя официально освободил от занимаемой должности.

– Ты свободна, – вмешалась Алька. – Хозяин отпускает тебя.

– Навсегда?

– Навсегда, – кивнул я. – А если еще кто придет и скажет, что ты должна ему служить, отсылай ко мне. Я с ними сам поговорю.

Пузырек, мокрый и встрепанный, переводил взгляд с меня на звероптицу и обратно. Алька улыбалась. А птица удивленно наклонила голову и посмотрела одним глазом. Задумчиво сказала:

– Ты странный... Больше я не слуга тебе. Но я могу быть другом.

– Это другое дело, – улыбнулся я. – Как тебя зовут?

– Круга.

Я тут же назвал себя, сестру и водяника. И добавил:

– Мы, правда, в другом Варианте живем.

– Это не страшно. Я умею летать между мирами, – отозвалась птица и вдруг съежилась. – Тот маг, первый, смотрит на меня через хрустальный глаз. Он знает, что я с вами.

– Это ничего, – успокоил я. – Но нам пора домой. Если что, я позову тебя, Круга.

* * *

Уже в Замке я спросил Пузырька:

– Как птица нашла тебя?

– Я упал в воду и почему-то поплыл к берегу. Как человек какой-нибудь. Хотел одежду отжать, а тут эта зверюга вернулась. Схватила и понесла...

– А почему ты не спрятался? – заинтересовалась Алька.

Пузырек смутился:

– Я... Мне... Летать очень понравилось.

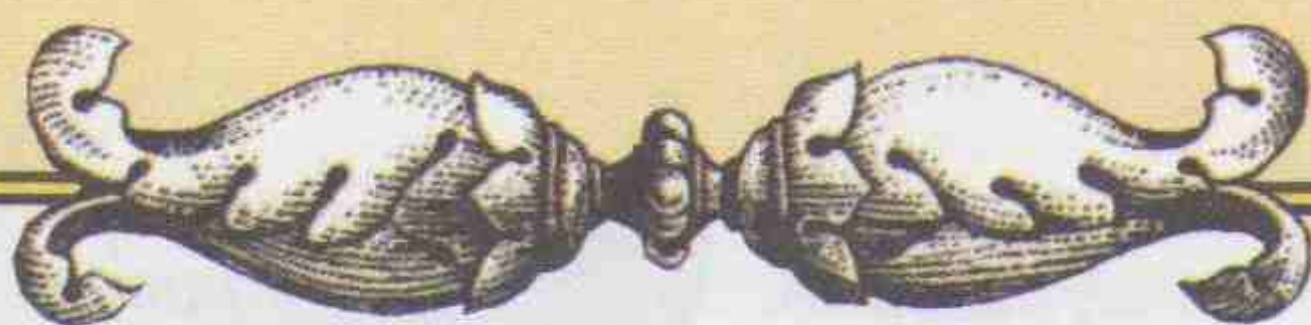
Я завистливо вздохнул. Пузырек понял:

– Так позови птицу. Она тебя покатает.

– Это мысль, – обрадовался я. –

Было бы неплохо облететь окрестности, глянуть сверху. А то мало ли что еще Маркус задумал? Кстати, я так и не понял, зачем он хотел меня похитить и что ему нужно в Замке!

Окончание следует.

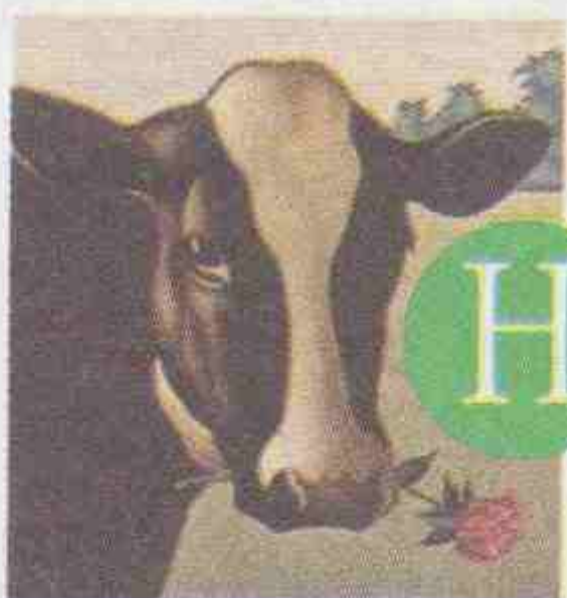

ПРИВИВКА

Н.ЛОГИНОВ,
кандидат
технических наук

УКОЛЬЧИК

На прививку – первый класс!» Сергей Михалков. Помните? Веселые стихи о том, как один хвастунишка струсил, когда ему пришлось делать маленький укольчик. А как хорохорился! «Ну, подумаешь, – укол. Уколотся – и пошел!»

Но если разобраться, то какое удовольствие в том, чтобы подвергать себя пустяковой, но неприятной процедуре? Абсолютно никакого. Что поделаешь – приходится. *Вакцинация* – вещь необходимая. Со здоровьем не шутят. Хотя услышь это слово

средневековый школяр, с утра до ночи зубривший латынь, он бы сильно удивился: «При чем тут коровы?» Справедливо. Ведь слова «вакцина», «вакцинация» произошли от латинского *vassa*, действительно обозначающего это почтенное животное.

Сейчас объясню. Тем более, что и повод имеется: совсем недавно человечество отмечало 310-летие первой прививки. Про-

извел эту процедуру британец Эдвард Дженнер, обыкновенный врач из английской глубинки. Чем спас от мучительной гибели миллионы человеческих жизней.

Еще и сегодня можно встретить пожилых людей с отметинами на лице. Это следы оспы – болезни, от которой когда-то не было спасения. Оспа убивала не всех. Если человеку удавалось выжить, новые атаки страшной болезни были ему не страшны. Как сказали бы современные врачи, переболевший оспой приобретал стойкий иммунитет.

Первыми это заметили древнекитайские медики. И пришли к

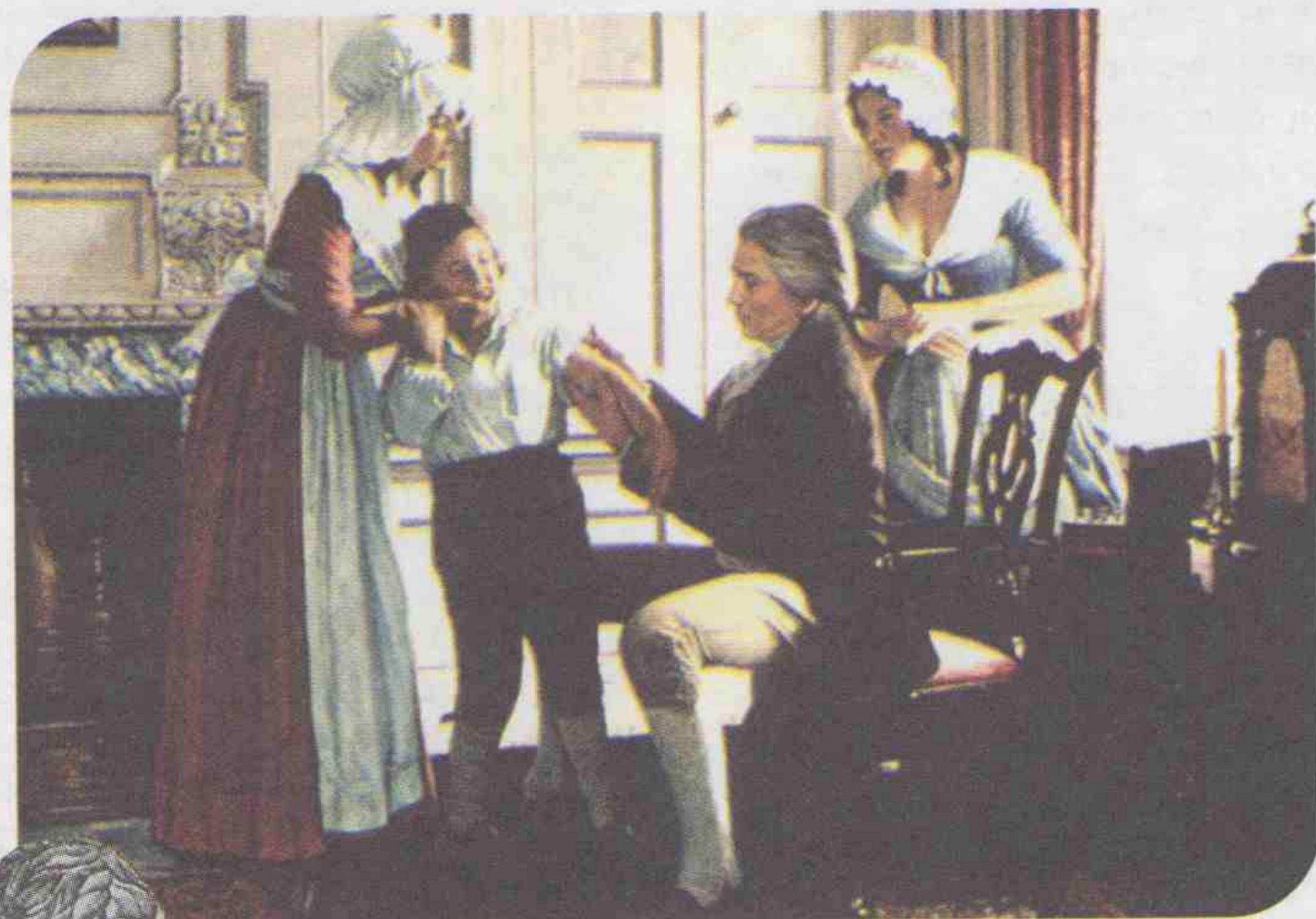
выводу: чтобы не заболеть, нужно взять у выздоровевших нечто и ввести людям, подверженным риску заражения. Мысль здравая. Но что нужно вводить?

«Открытие» было кошмарным. У выздоравливающих с болячек сдирали корки, сушили их, растирали и через ноздри вдвухали «лечебный» порошок пациентам. В результате чего те с ходу заражались и умирали в мучениях.

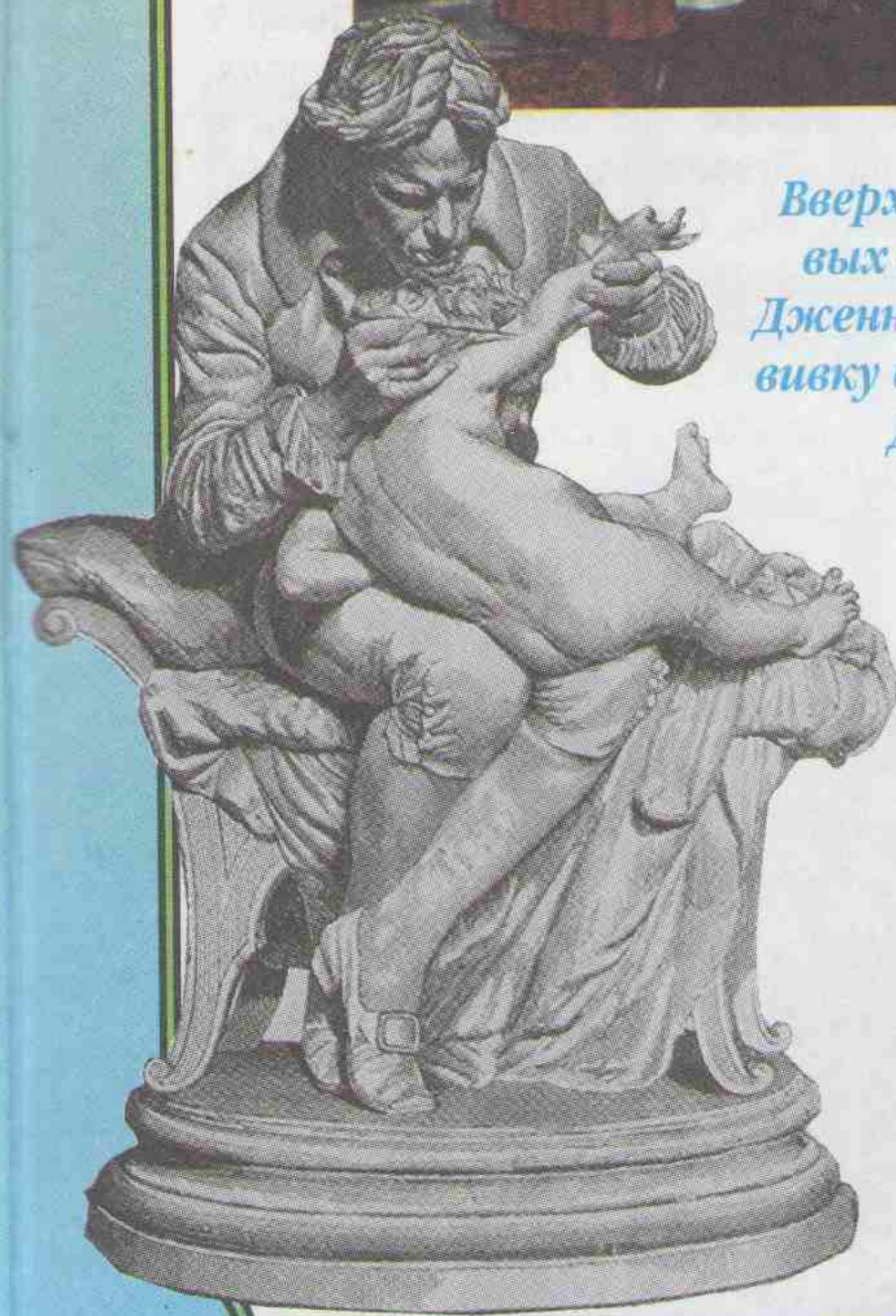
В XVIII веке европейские врачи научились делать *вариоляцию*. В целях профилактики здоровым людям вводили жидкость из нарывов переболевших. Посредством чего угробили массу народу.

И тут «деревенщина»-Дженнер обратил внимание на то, что оспа обходит стороной доярок с окрестных ферм. Оказывается, этой болезнью болеют и коровы. Только «коровья» оспа куда слабее «человеческой». Иногда доярки могли зацепить у буренок заразу, но болезнь протекала в легкой форме. Сыпь покрывала только руки женщин до локтей и быстро проходила. Зато потом доярки никогда не болели «большой» оспой.

Дженнер долго наблюдал, проводил опыты – и, наконец, решился. Через царапину на плече восьмилетнего мальчика он ввел ему жидкость из нарыва на руке дояр-

Вверху: музей восковых фигур. Доктор Дженнер делает прививку восьмилетнему Джиму Фиттсу.

ки, только что переболевшей «коровьей» оспой. Мальчишку крутило-вертело дня три. А потом он выздоровел. И Дженнер пошел на отчаянный риск.

Он попытался заразить мальчика «большой» оспой. А тому – хоть бы хны. И не почесался!

Дженнер принялся прививать «коровьими» микробами всех жителей Беркли. Он сделал первую в истории успешную массовую вакцинацию. Вот вам и коровы!

Думаете, доктору спасибо сказали? Газеты писали, что после «коровьего» лечения дети начинают мычать и есть траву. Как вам, а?

«ОСПА ИВАНОВНА»

Когда-то от оспы вымирал целые города и селения. А если удавалось выжить, человек всю жизнь носил на лице шрамы от ее козтей. Считалось, что оспа – это наказание за грехи. Чтобы утихомирить ее, в сибирских деревнях выставляли за ворота угощение – пироги и выпивку: «Выпей и закуси, Оспа Ивановна, да и ступай себе мимо нас!» В Нигерии оспой «заведовал» грозный божок Сапоне (слева). В 1980 году ООН объявила: оспа побеждена. Коллекционные образцы вирусов хранятся только в двух лабораториях – в Атланте (США) и у нас в Новосибирске. Их хранят за семью печатями: не приведи Бог, если «сбегут»!

Анекдот хожячий

– Папа, папа, мне приснилось, что ты подарил мне маленькую шоколадку!

– Будешь слушаться – приснится, что я подарил тебе огромный шоколадище!

На уроке физики

Учитель. Расскажи, с какими молекулами взаимодействуют молекулы соли?

Ученик. Лучше всего они взаимодействуют с молекулами супа!

Рассказки

«ПИРАМИДА»

– Катя, дай десять рублей. Завтра отдам, честно... Дрюля, пятнарик до послезавтра не найдется? Верну, не бойся. Ты настоящий друг... Сань, иди сюда. Слушай, дай двадцать рублей до среды. Давай, не жмись. Помнишь, как я тебе на своей доске дал по перилам проехать? То-то!.. Вован, Вован, погоди! Займи тридцатку. В четверг назад получишь. Сто пудов. Зачем-зачем. Надо. О, Серый! На четвертак не выручишь? Тут такое дело... Короче, в пятницу рассчитаюсь. Железно.

Ф-фу, кажется, стольник набомбил. Эй, пацаны! Не расходиться! У кого я брал займы, слушай сюда. Катя, завтра получишь за меня с Дрюли. Дрюля послезавтра получит с Сани. Ты, Сань, в четверг отдашь Вовану, а ты, Вован, с Серым рассчитаешься. У меня так: завтра – значит, завтра, а в пятницу – значит, в пятницу. Железно!

Вера КРУЦ

ПЕРЛОВАЯ КНИГА

«В лесу растут дрова различных пород».

«На родительском собрании разбирали Наташу».

«Мне нравится профессия сотрудника ГАИ. Они хорошо получают на свежем воздухе».

«В Америке темнокожего президентом выбрали, а у нас не хотят двоечника хотя бы старостой класса сделать».

«Котенок и щенок кушали из одной миски, а потом весело закусывали маминым одеялом».

«Я люблю книги. Если их не нужно читать».

Мы вчетвером собрали группу и хотим выступать, но не выходит. Мы все время ссоримся, кто петя и кто будет солистом. И еще у нас нет крутого названия. Подскажите, как назвать группу?

В.С.М., г. Чита.

От редакции. Хм, что бы вам такого крутого посоветовать?.. Ага, вот, кажется, подходящее название: «Квартет»!

SMS-шка

Мама, мой баланс – меньше пяти: двойка и единица. Могут отключить!

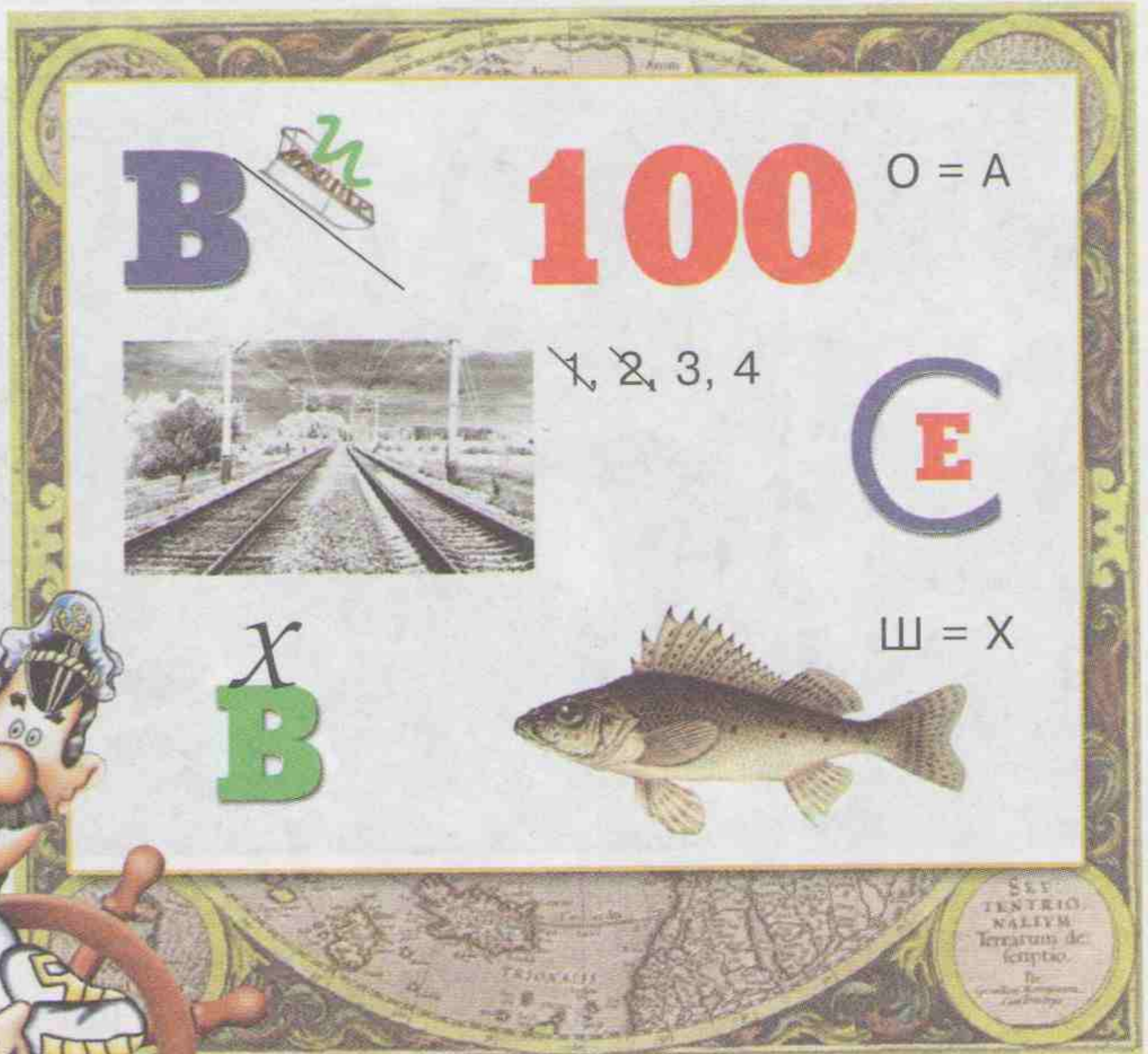
Шуточные задачи

В хозмаге покупатель спрашивает:

- Сколько стоит 1?
 - 20 рублей.
 - А 12?
 - 40 рублей.
 - Тогда дайте мне 312.
 - Платите 60 рублей в кассу.
- Что же брал покупатель?

* * *

На первом этаже девятиэтажки живет 2 человека, на втором - 4, на третьем - 8, на четвертом - 16, на пятом - 9, на шестом - 14, на седьмом - 7, на восьмом - 12 и на девятом - 25 человек. На кнопку какого этажа в лифте нажимают чаще, чем на все остальные?

«КАПИТАНСКИЙ» РЕБУС

Справившись с ребусом, вы прочтаете любимую команду капитана Врунгеля.

КАН WORDIK

В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ БЫЛО:
Зевс. Лена. Бражелон. Седло.
Лесть. Ева. Пи. Псарня. Сайра. Лес.
Невада. Да. Код. Оле. Ил. Стойло.
Метр. Неолит. Сарай. Ель. Ява.

Спортивный комплекс							Повесть Гоголя	Морской бобр
ПЛАНЕТА	Собрание карт		ВРАЛЬ	Выправка			Финансист	Для стрельбы
Коралловый остров	Сильный рев			Музыкальная пьеса				
				Пилот высшего класса		РЕКА В АФРИКЕ		
МОЩНАЯ БУРЯ						Ее мечут рыбы		
						Сторона света		
АНТИЛОПА	Французская монета			Физик Жолио...				СЛУЦКАЯ В ДЕТСТВЕ (ИМЯ)
		Река с водопадом						
								★

У нас был «чемпионат» по надуванию мыльных пузырей. Мой держался три минуты. А сколько они вообще могут «жить»?

Игорь БОЖКО, г. Луга.

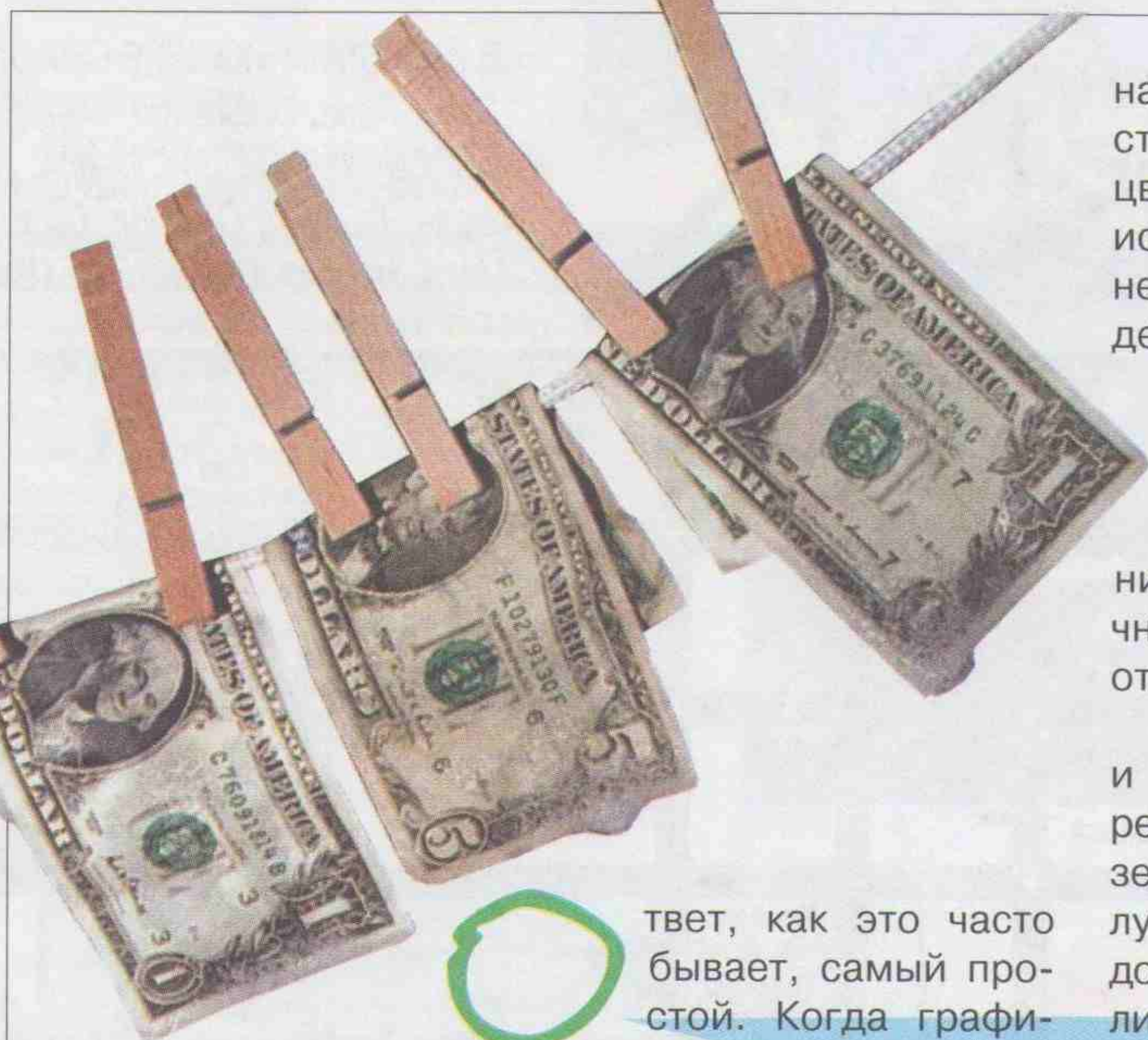
Выдувание мыльных пузырей – забава древняя. Ей с удовольствием предавались еще в античные времена. С тех пор за радужными шарами закрепилась репутация красивого, но не долговечного изделия: «Лопнул, как мыльный пузырь». Слышал?

Но все не так безнадежно. Если защитить пузырь от высыхания, сотрясений и соприкосновения с твердыми предметами, он может держаться довольно долго. Вот как изобретатель термосов англичанин Джейм Дьюар рекламировал надежность своих изделий. Он поместил в них несколько мыльных пузырей, и те оставались целехонькими на протяжении месяца и больше.

А один американский учитель физики поступил еще про-

ще. Он «законсервировал» пузырь в стеклянной банке и отнес ее в подвал. Через год он все еще был, как новенький. Есть сведения, что под стеклянным колпаком шары из мыльной пены хранятся уже помногу лет.

Ну, а самый большой мыльный пузырь выдул швейцарец Ханс Суттер: 4 м. Кстати, с банкой ты и сам можешь поэкспериментировать. Напиши, что получилось.

ответ, как это часто бывает, самый простой. Когда графические эскизы нынешних «зеленых» были почти готовы, вдруг выяснилось, что у казначейской типографии нет никакой другой краски, кроме зеленой. Зато она была превосходного качества – не расплывалась в воде, не выгорала

на солнце, не пачкалась и выдерживала воздействие химических реактивов. И потом, у зеленого цвета масса оттенков, которые можно с успехом использовать для купюр разного достоинства. Что немаловажно при защите бумажных денег от подделки и удобно при их механическом пересчете.

Кроме того, с 1861 года в США выпускались финансовые бумаги (так называемые беспроцентные векселя) того же бледно-зеленого цвета. Поэтому, когда в 1929-м году в обращении появились американские банкноты привычной для каждого американца расцветки, публика отнеслась к ним с большим доверием.

А вот еще одна забавная деталь. Оказывается, и с чисто психологической точки зрения человек реагирует на зеленый цвет лучше, чем, допустим, на лиловый, бежевый, голубой или синий. Может, поэтому доллар и такой «живучий»?

Почему американские доллары зеленого цвета? Их еще часто называют «зеленью». А были ли они когда-нибудь другими?

Сергей, с. Обновино.

Речь идет о так называемых «омерзительных» звуках. Одни люди не выносят визга бормашины. Другие – когда при них скребут лезвием ножа по стеклу. Третьи чуть в обморок не падают, когда «фонит» микрофон. Кстати, в нашей редакции работает одна твоя «подруга по несчастью».

Почему так происходит? Точного ответа наука не дает. Хотя общий принцип более-менее ясен. Физические характеристики некоторых звуков (тон, диапазон колебаний, высота) действуют крайне раздражающе на наш слуховой аппарат. А он, чтобы избавиться от неприятных ощущений, немедленно

Я не переношу, когда бумагой стирают с классной доски. У меня сразу мурашки по коже бегут. Отчего так происходит?

Кира ЮРЛОВА, г. Москва.

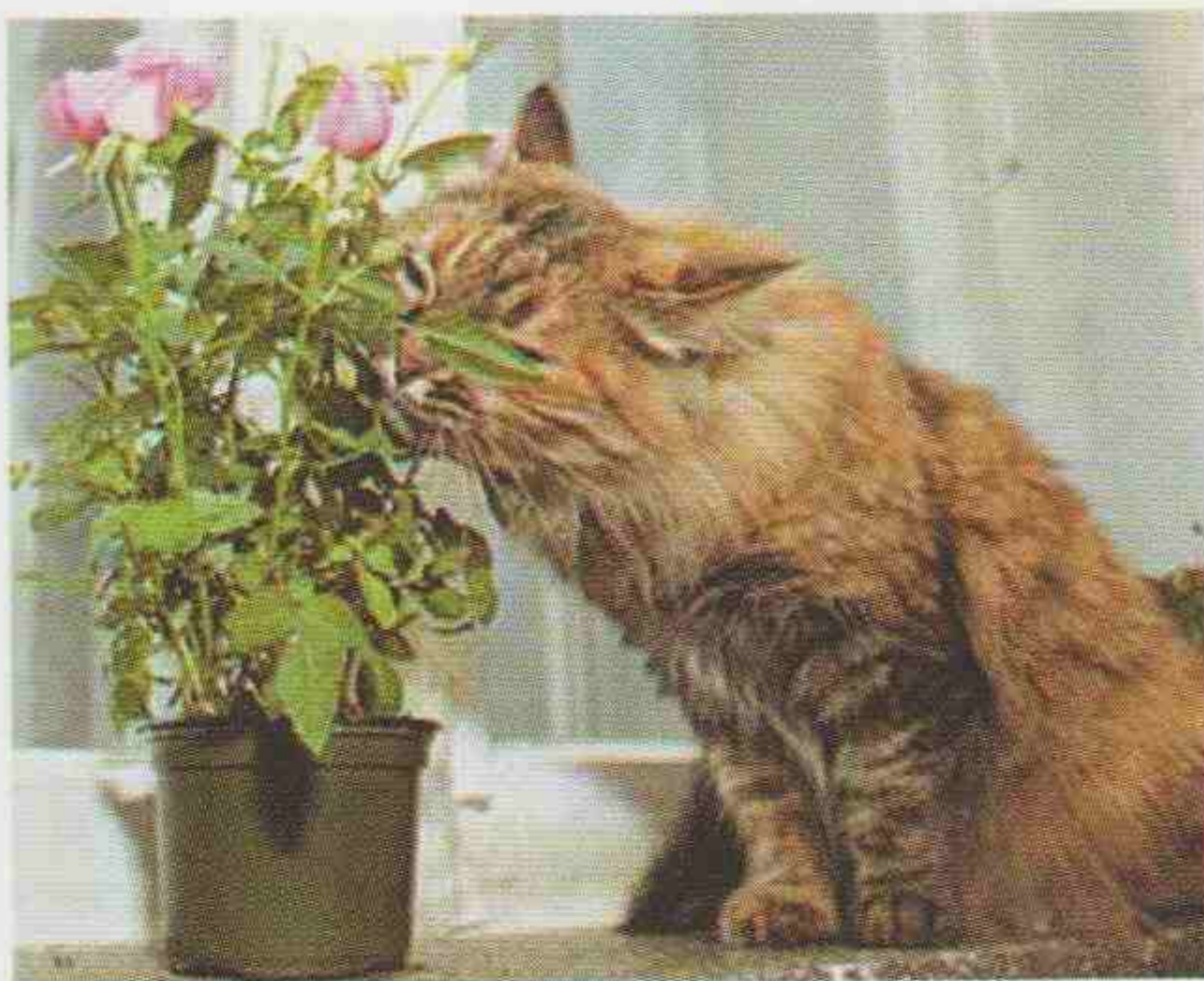

посылает панические сигналы в мозг. И делает это так хитро, что мучения начинается испытывать **вся** нервная система человека. Вопрос в том, почему у одних людей «омерзительные» звуки одни, а у других – другие?

Существует гипотеза, что все объясняется «генной» памятью человека. Некоторые звуки таили или предвещали угрозу для наших предков. Их они нам и «завещали».

Наш негодяй Батон все время жрет комнатные цветы. И не отвадить! А потом его, извините, тошнит. Совет дадите?

Ульяна САНЕЕВА, г. Уфа.

Как это ни смешно, но убедительной версии не существует. Одни ветеринары говорят, что для кота это просто развлечение. Другие считают, что кошки нуждаются в небольших дозах растительной пищи. Они ведь заядлые мясоеды, а в мясе нет всех минеральных солей и микроэлементов, необходимых животному. Ведь даже «вольные» коты с удовольствием жуют травку. Не брезгают ею и другие представители кошачьих – пумы, львы и тигры.

Насчет «тошнит»: иногда коты намеренно вызывают рвоту, чтобы освободить желудок от шерстинок, которые они с себя слизывают. Травка для кота – отличное рвотное. Так что привет Батону!

Дурацких вопросов не существует. Спрашивай!

Главный редактор
А.С.МОРОЗ

Первый зам.
главного редактора
Н.А.ТАРАСЕНКО

Журнал зарегистрирован
в МПТР РФ. Свидетельство
ПИ №77-5735 от 10.XI.2000 г.

Подписано к печати
10.XI.2008 г.
Формат 84 x 108 1/16.
Учетно-изд.л. 3,6.
Тираж 3100 экз.
Заказ №84582.

127015
Москва, а/я 65

683-84-84

E-mail: pioneermag@mail.ru

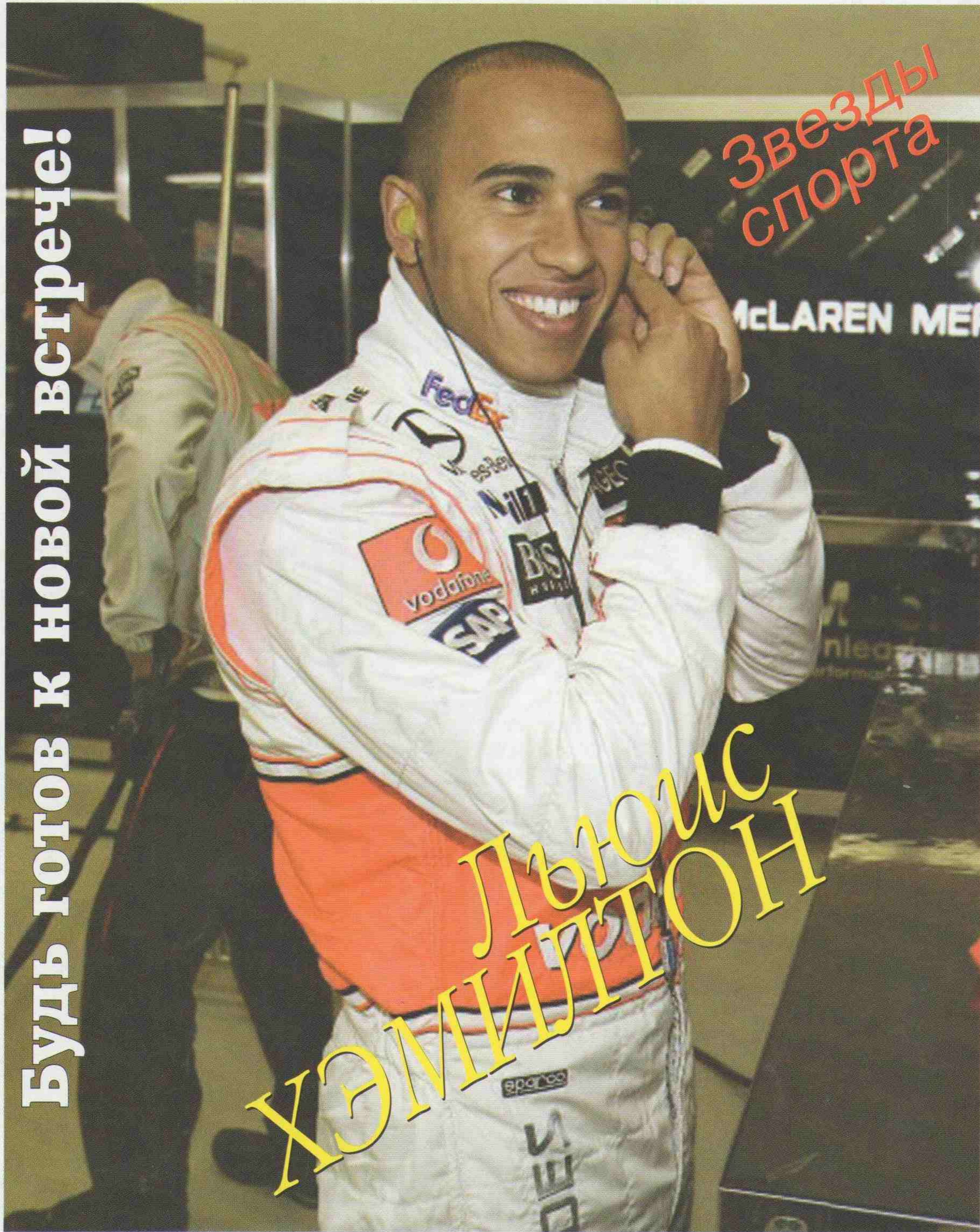
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

«ПИОНЕР».
2008 г.
№ 11. л-32.

ISSN 0130-8009

Отпечатано в типографии ОАО
«Молодая гвардия». Адрес типографии:
127994, Москва, Суцеская ул., 21.

Будь готов к новой встрече!

Звезды
спорта

Льюис
Хэмилтон

Наш сайт в интернете: WWW.PIONEER-MAGAZINE.RU

ИНДЕКСЫ: Роспечать — 70694 ◆ Объединенный каталог — 29270 ◆ Почта России — 10883